

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ЭМБЕР ГАРЗА

НИ СЛОВА
МАМЕ

Эмбер Гарза
Ни слова маме
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70021258

*Ни слова маме:
ISBN 978-5-17-154162-0*

Аннотация

Валери живет одна в большом викторианском доме, в котором, по слухам, обитают привидения. Из-за проблем с памятью она просит своего взрослого сына на время переехать к ней, но это совсем не то воссоединение, на которое она рассчитывала. Хадсон неразговорчив, угрюм и часто пропадает.

Соседи не рады его возвращению, поэтому, когда в доме на соседней улице находят убитую молодую женщину, подозрение сразу же падает на него. Валери пытается защитить своего сына, но по ходу расследования задумывается: так ли хорошо она знает его?

Для матери ужасно даже подумать об этом... но что, если она породила монстра?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	76
Глава 8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Эмбер Гарза

Ни слова маме

© Amber Garza, 2022

© Перевод. А. Ковальчук, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Все, что написано в этой книге, – плод авторского воображения. Любые совпадения с действительностью: события, имена героев, описываемые места – чистая случайность.

Посвящаю Эли, моему замечательному сыну, лучшие которого нет.

«Такова природа зла Флорентийского Монстра. И такова природа зла в каждом из нас. В каждом из нас живет Монстр того же вида, различие лишь в силе»¹.

Дуглас Престон, Марио Spezi «Флорентийский Монстр»

¹ Перевод Г. Соловьевой. – (Здесь и далее прим. пер.)

Глава 1

Он постучал в дверь, но я открываю не сразу. Глядя в дверной глазок, внимательно его рассматриваю. Рано или поздно – это лишь вопрос времени – совсем перестану его узнавать. Будет стоять передо мной все тот же человек, а я буду на него смотреть незнающим взглядом. Как моя мать, что поглядывала на меня искоса и спрашивала, кто я.

Его темные густые волосы включены, такое ощущение, что он давно не ходил в парикмахерскую. Под пышной бородой совсем не видно рта.

Не зная, что за ним наблюдают, он смотрит по сторонам. Постучал еще раз, я отрываюсь от глазка и поворачиваю ручку. Распахнув дверь, неуверенно улыбаюсь. Наши взгляды встречаются. Поначалу он никак не реагирует. Лицо точно застыло, хотя, может, из-за густой бороды мне просто не видно улыбки.

Он шагнул вперед.

– Мама.

– Хадсон, – отвечаю я, уткнувшись ему в плечо. Пахнет древесиной, хвоей и слегка пряной гвоздикой. Чужой запах, выражающий все те годы, что мой сын провел вдали от дома. Но за этим непривычным запахом, за этой бородой и копной волос прячется мой мальчик. Малыш, которому на ночь я когда-то читала сказки и с которым, сидя на полу, часами

играла в машинки. Малыш, который когда-то плакал у меня на плече и которого, держа за пухлую ручку, я переводила через дорогу. Слишком долго его обнимаю. Он сжимает меня уже не так крепко, потом совсем опускает руки, а я все держу.

Нехотя отпускаю. Прислонившись к дверному косяку, гляжу ему через плечо. У тротуара, напротив нашего крыльца, от которого вниз спускается завитком широкая лестница, стоит машина. Старенькая «Хонда-Цивик», серая краска выгорела и местами облезла.

– Бери вещи и заходи, – предлагаю я.

– Да, хорошо. – Он наклоняется, берет спортивную сумку, что стоит у ног, закидывает ее на плечо и проходит.

– Это все? – недоуменно спрашиваю я.

Он кивает; не понимаю, чему я удивляюсь. Последние пару лет он жил словно бродяга: ночевал у друзей, иногда снимал комнату у незнакомцев. Выражая презрение к брату, Кендра не раз говорила, что жить вот так она никогда не будет. И это правда. *Так* она не живет. Безопасность для нее – превыше всего. Но меня восхищает бесстрашие Хадсона, с какой легкостью он рискует.

Хадсон уехал от нас, когда ему исполнилось восемнадцать, будто только того и ждал, как бы оказаться от нас подальше. Но пропасть между нами образовалась задолго до этого.

Грудничком он улыбался лишь у меня на руках. Научив-

шлись ходить, все время вертелся под ногами. Началась школа, и все равно он ходил за мной хвостиком, тянулся ко мне своими вечно липкими ладошками. Но позже, когда ему исполнилось девять, всю себя я посвятила музыкальной группе «Танец сердец».

Я часто пропадала на репетициях, тогда Хадсон привязался к отцу. Но я его не виню: надеюсь только, что однажды он поймет, почему меня не было на его выпускном и школьном балу. Из-за больших амбиций можно многое упустить, и так часто бывает с мамами, которые много работают. Как несправедливо! Даррен умер пять лет назад, с тех пор мы с сыном мало общались, он приезжал всего пару раз. Будто ниточка, что нас соединяла, оборвалась. А, может, дело не в смерти Даррена, а в том, что я выбрала вместо сына работу, не занималась домом.

И все же я скучала по моему мальчику – по малышу, что сидел со мной рядом на диване и накрывал ладошкой мою руку, словно пытался удержать меня.

Он приехал.

Мне нужно, чтобы Хадсон был рядом, и вот он здесь.

Пару дней назад Кендра с обидой сказала: «Конечно, ему же больше некуда пойти».

Я провела его в дом. Хотелось еще раз обнять сына – руки то и дело непроизвольно тянулись к нему, но близко к нему не подходила, борясь со своим желанием.

Я помню его угрюмым подростком с брекетами, как он

постоянно повторял: «Мама, я уже не маленький!»

Ему пошел третий десяток, и я совсем не понимаю, как мне себя вести. С Кендрой такого не было. Уже в пять лет она начала строить из себя взрослую: всеми командовать, ни от кого не зависеть, брать на себя ответственность. Хадсону же, чтобы повзрослеть, потребовалось чуть больше времени.

– Располагайся, тебя ждет твоя комната.

Все никак не привыкну к мысли, что Хадсон вернулся. Вернулся в комнату, где он рос. С тех пор все так изменилось!

– Меня ждет комната? – Его спина напряглась, голова слегка склонилась набок.

– Да, что-то не так?

Я не знала, где еще его можно разместить. В комнате Кендры? В рабочем кабинете Даррена?

– Нет, все в порядке. – Он провел рукой по волосам, рукав футболки задрался, и я заметила вокруг правого предплечья татуировку. Но что на ней изображено – непонятно. – Просто... Ну... Я так давно там не был.

Он стал подниматься по лестнице, я хотела пойти за ним, но удержалась. Обхватив себя руками, прислонилась спиной к стене и смотрела на то, как он поднимается по ступенькам.

Хадсон никогда не отличался болтливостью. Вот его сестра – болтушка. Я даже шутила по этому поводу: все слова, которые были в доме, она забрала себе, ничего нам не оставив. Но сегодня его молчание меня пугает.

Услышав, как он закрыл дверь в комнату, я выдохнула с облегчением. Оттолкнулась от стены и пошла на кухню заваривать чай. На ногах домашние тапочки. Под моими шагами скрипят половицы. На стене тикают часы. На заднем дворе лает Боуи. Не считая этих звуков, как всегда гробовая тишина. Женщина и пес – единственные обитатели этого огромного дома в викторианском стиле.

Впервые увидев этот дом, я почувствовала, как он меня притягивает. Зовет шепотом, манит костлявым указательным пальцем. Эффект сродни гипнозу.

Я стояла на тротуаре и как заколдованная смотрела на внушительную лестницу, закрытые ставнями окна, остроконечную крышу и вспоминала бабушку. Не потому, что у нее был точно такой же дом, а потому, что она была высокого роста, величественна, и на ее фоне все остальные меркли. Этот дом производил такой же эффект.

Дома по соседству были низкие, одной высоты, с парой ступенек ведущими к небольшим крылечкам. Тот дом возвышался над ними, к огромной веранде вело множество ступеней. Только у него было свое лицо.

– Только представь, сколько тайн хранит этот дом, – прошептала я.

Слова вылетели белым паром и рассеялись в воздухе, словно сигаретный дым. Даррен молча меня обнял, и мы, окутанные холодным январским воздухом, пошли к входной

двери. Кендре было всего семь, а Хадсону – пять, их мы оставили с няней.

Нашему агенту по недвижимости Яну не сразу удалось открыть замок, пришлось повозиться. С каждой секундой Даррен нервничал все больше – на лице напряглись скулы, он крепче прижал меня к себе.

Даррену казалось, что я не замечаю его состояние, не выдержав, он раздраженно вздохнул. Я понимаю: мой выбор ему не по душе. Меня это не удивляет. Он говорил, что хотел бы дом поновее: с гранитной столешницей, потолочными плинтусами и современной техникой. Но когда мы смотрели другие дома, те, которые нравились Даррену, я в них словно задыхалась. Было не по себе. Я чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег.

Я мечтала о доме с историей. Чтобы слышать биение его сердца. Его голос. По словам Яна, за десять лет этот дом повидал множество владельцев, но последние несколько месяцев пустовал. И вот мы его купили. Он нуждался в любви, заботе и ласке – это было понятно. Местами краска потрескалась и облезла, а в одной из комнат висели странные обои: фон красный, а на нем черные круги, как будто летающие головы.

– Ну и старье, – произнес Даррен.

– А я в восторге! – возразила я.

Наш агент улыбнулся. Несмотря на все споры, связанные с покупкой этого дома, я обрела в нем покой. Уют. В его сте-

нах я стала рыбой, наконец оказавшейся в воде, и теперь спокойно могла дышать жабрами.

К тому же я всегда хотела жить ближе к центру, так что все сложилось как нельзя лучше. Я только начала петь в новой музыкальной группе «Танец сердец», и в планах были концерты в местных барах и клубах.

Лишь после переезда я прочла в газетах, что в нашем доме пятьдесят лет назад при странных обстоятельствах погибла шестилетняя Грейс Ньютон. Упала с лестницы. Смерть от кровоизлияния в мозг.

В ходе расследования установили, что произошел несчастный случай, но многие соседи и друзья семьи думали иначе. Кое-где писали, что за несколько месяцев до смерти на теле девочки видели следы побоев. Кроме того судмедэксперт отметил, что синяки и порезы были давние. Падение с лестницы тут явно ни при чем.

Почти все вокруг уверены, что в нашем доме живет призрак Грейс. Она блуждает по коридорам, играет на чердаке, гуляет по заднему дворику.

Услышав впервые эти сплетни, Даррен назвал их чепухой. Но я сразу поверила. Как только мы переехали сюда, я стала чувствовать ее присутствие. Дыхание в затылок. Движение воздуха. Иногда, когда я фотографировала детей в комнате Хадсона, после проявки на кадрах появлялись белые пятна. Я не шучу. Вот почему я думаю, что Грейс когда-то жила в комнате Хадсона.

Над головой включается кондиционер – я пугаюсь. Крепче обнимаю себя руками.

Страшно подумать, что у Хадсона и Грейс так много общего. Оба младшие дети в семье. Судя по всему, жили в одной и той же комнате. Я видела фотографию Грейс: темные волосы, карие глаза, как у Хадсона. Очаровательная улыбка, та же ямочка на левой щеке. Но самое поразительное: жизнь обоим поломала смерть, такая преждевременная, такая загадочная.

*Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел тигр погулять...*

На выходных мама повела нас в зоопарк. Больше всего мне понравились тигры. Один тигр прижался мордой к стеклу, я рассмеялся. Жаль, что в вольер не попасть, я бы его погладил.

– Нет, тигра лучше не трогать, – сказала мама, тихонько цокнув.

– Почему это? – спросил я, уставившись на маму широко раскрытыми глазами. – Он очень похож на Декстера, а Декстера я гладить люблю.

– Что еще за Декстер? – удивилась мама.

– Кот Клиффа. – Клифф – наш сосед. Его кот иногда приходит к нам во двор и гуляет по лужайке.

– Ах, да, точно. Но Декстер – кот, – сказала мама, – а это

тигр.

Я уставился в стекло, стоял так близко, что касался его кончиком носа. Тигр не спеша прокрался мимо и потянулся, прямо как Декстер. На правой ноге начал сползать носок, поначалу я решил, что это жук ползет. Я нагнулся и хотел смахнуть его, но жука не увидел – подтянул носок.

– Тигр классный, – восхитился я.

– Классный – не значит не опасный, – ответила мама. – По своей природе тигр хищник.

Энди оттолкнулась от стекла и отошла от вольера:

– Не хочу больше смотреть тигров! Я их боюсь, – она глядела на маму глазами, полными слез, нижняя губа тряслась. Сжала коленки вместе, кружева на гольфах зашуршали, словно листва на ветру.

– Маленькая моя, не плачь. – Мама обняла ее, и они пошли в другую сторону.

Нехотя пошел за ними. Мы завернули за угол, тут сестра показала на обезьян и запищала:

– Пойдем туда!

Мне это не понравилось. На обезьян мы смотрели уже два раза. Почему бы не пойти к тиграм?

Энди повернулась ко мне и показала язык. Я злобно на нее посмотрел, и в этот миг в моей голове пронеслись мамины слова: «Классный – не значит не опасный».

Глава 2

Готовлю ужин, на стене висит календарь, напоминая, почему я попросила Хадсона приехать. И от этого напоминания мне дурно. Каждый день расписан. Отмечен каждый шаг, как бы чего не забыть. Весь холодильник увешан яркими стикерами – где я оставила ключи, сумку, во сколько выпить таблетки.

Но не всегда так было.

Началось все с малого. Вот хотела что-то сказать – раз и забыла. Не вспомнить больше. Потеряла ключи, спустя несколько часов нашла, но как их там оставила – не помню. Не туда клала вещи. Убирала в места, где их точно быть не должно. Пару раз забывала покормить Боуи.

Насколько все плохо, я поняла месяц назад.

Примерно в шесть вечера мне в ужасе позвонила Кендра: – Ты еще дома? – спросила она, тяжело дыша.

Подогнув под себя ноги, я сидела на диване с бокалом вина.

– А где мне еще быть?

– Мам, ты серьезно? – в голосе проступило негодование. – Мы же договорились: сегодня ты сидишь с Мейсоном.

– Неужели? – Поставив бокал на край стола, я слезла с дивана и быстрым шагом направилась на кухню.

– Да, у меня занятия, а Тео работает допоздна, – раздра-

женно сказала она, словно такое повторяется не раз. Но я об уговоре совсем не помню.

Останавливаюсь у настенного календаря. Кендра уговаривала меня освоить календарь в телефоне, но я предпочитаю по старинке. Мне нравится, что он висит напротив, его можно потрогать. Кендра наверняка ошиблась. Может, она просто забыла попросить. При взгляде на сегодняшний день, во рту пересохло.

«Мейсон, 17:30». Мой почерк.

– Вот же! – стукнула я себя по лбу. – Совсем забыла. Скоро буду!

Хорошо, что выпила всего один бокал вина.

– Не стоит, – раздался в трубке тяжелый вздох. – На занятия все равно уже опаздываю.

Попрощавшись, положила трубку; меня охватил ужас. Этим все не кончится. В списке разочарований Кендры теперь на один пункт больше. Когда ей нужно доказать свою правоту или просто меня задеть, она все припоминает.

Можно с уверенностью сказать, что дочь на меня не похожа. Мы совсем разные. Но меня это не беспокоит. Кендра выросла настоящей женщиной, я горжусь ею. Хорошая жена, прекрасная мама чудесного малыша. Не говоря о том, что она параллельно ходит на курсы медсестер и учится ухаживать за больными.

Такая жизнь все-таки не по мне, но это не значит, что я не уважаю выбор дочери. Чего не скажешь о Кендре. Она меня

не понимает.

Помню, что я так же не понимала свою мать. И кстати, мне кажется, что Кендра на нее очень похожа. Жаль, что мать потеряла рассудок раньше, чем Кендра успела с ней толком познакомиться. Когда у матери выявили раннюю стадию Альцгеймера, мне было за тридцать, ей – за пятьдесят.

Никогда не забуду, как она впервые спросила, кто я. О болезни я знала, но на тот момент она лишь теряла вещи и не запоминала, где их оставила, спрашивала, где она и как сюда попала, заходила в комнату и не помнила, зачем пришла. Людей она все еще узнавала. По крайней мере самых близких. Как-то я пришла проведать родителей, с весенним букетом в руках, в нем были фиолетовые и розовые цветы, – мамины любимые. Я сказала: «Привет», протянула букет и поцеловала ее холодную щеку. Она, поджав губы, отпрянула и вытаращила на меня глаза, полные ужаса.

– Кто вы?

– Мама, я Валери, – не растерявшись, ответила я, – твоя дочь.

Похоже, мой ответ еще больше сбил ее с толку.

У меня перехватило дыхание, словно я нырнула в ледяную воду. Душа ушла в пятки.

Болезнь превратила мою умную, дееспособную маму в сбитого с толку ребенка. И это необратимо. Вот почему я отказываюсь ходить к врачу, несмотря на все уговоры Кендры. Я знаю, что это, и я знаю, что со мной будет. Лечения нет, не

изобрели еще волшебной пилюли.

Оторвавшись от календаря, повернулась и заглянула в духовку – там лазанья. Жар ударил в лицо, по кухне разнесся аромат сыра и томатной пасты. Когда Хадсон был помладше, он обожал лазанью. Надеюсь, ничего не поменялось.

Он просидел в комнате весь день. Слышно было, как шумит телевизор – где-то в глубине души я пожалела, что поставила его туда.

Хотелось пообщаться с Хадсоном. Последние дни я так переживала, что он приедет, что наконец в доме появится еще кто-то. А вместе с ним шум. Суматоха. Беспокойство.

Даррен умер, и с тех пор тишина для меня невыносима. Я просыпаюсь по утрам и все еще надеюсь уловить в воздухе запах кофе, услышать, как он тихонько возится на первом этаже. Прошло пять лет, а к тишине никак не привыкну. Вот поэтому я и завела Боуи, коричневого лабрадора. Последние годы этот дружелюбный пес стал моим лучшим другом. Благодаря ему я сохранила здравый ум.

Никогда не думала, что нуждаюсь в общении. Я всегда гордилась своей независимостью.

Но постоянная тишина, особенно по ночам, будит во мне жуткие воспоминания.

Скорая помощь. Носилки, накрытое безжизненное тело.

Не знаю почему, но когда Боуи по ночам лежит рядом и я чувствую его тепло, воспоминания не так сильно меня мучают. Голоса в голове становятся тише.

Из серванта достала несколько тарелок с цветочным узором по краям – достались по наследству от бабушки. Давно не брала их в руки. Поставила тарелки на большой обеденный стол и хорошенько подумала. Стол рассчитан на восьмерых. Так сложилось, что в столовой мы ели только по семейным праздникам или когда собирались компанией. Для меня и Хадсона слишком торжественно.

Быстро взяла тарелки и, вернувшись на кухню, расставила их на столике. *Так-то лучше.*

Вытащила из духовки лазанью, открыла бутылку вина и поставила ее в центр стола. Положила на тарелку несколько кусочков хлеба. Заправила салат. Все готово – быстрым шагом поднимаюсь на второй этаж, иду по коридору к комнате Хадсона. Стучу несколько раз, он открывает.

– Ужин готов, – говорю я и думаю, что некогда воспринимала эту простую фразу как должное. Обязанность, которая меня, пожалуй, даже тяготила. Каждый день от меня требовали материнского тепла, семейного уюта. Но сегодня приглашение к столу разлилось во мне сладким сиропом.

– Иду, – кивнул Хадсон: волосы взъерошены, на щеке след от подушки. Вот он, мальчик которого я помню: заспанный взгляд, зевок. В эту секунду показалось, что он никуда не уезжал, словно мы перенеслись в прошлое.

Будь это возможно, я бы все изменила. Не совершала бы тех ошибок. И начала бы я с того дня, когда вышел первый альбом «Полета сердец».

Альбома я ждала много лет, чувствовала: это будет лучший день в моей жизни. В группе я начала петь, когда Хадсону было пять, а Кендре – семь. Тогда я зарабатывала деньги тем, что мы выступали по выходным и праздникам. Мы исполняли джаз-фьюжн, но с музыкальным направлением определились не сразу. Гитарист Мак, тяготеющий скорее к року, основал группу вместе с другом детства Кевином, клавишником и саксофонистом. Кевин познакомил Мака со своим другом Тони, барабанщиком. Примерно в то же время, что и я, к группе присоединился басист по имени Рик. Мы оба откликнулись на объявление и прошли прослушивание. Только когда меня поставили на вокал, группа обрела уникальное звучание. Мак считал, что во мне есть что-то от Джони Митчелл². Потом я стала на клавишные: Кевин теперь мог играть только на саксофоне.

Чем больше мы выступали, тем шире становилась у нас аудитория. Мы давали концерты по всему городу и вскоре поехали в первый успешный тур. Именно после него мы и записали свой первый альбом.

Выход альбома отмечали в баре «Таверна полной луны», им владела моя подруга Сюзанна. Место, где состоялся наш самый первый концерт. Даррен задерживался на работе, он позвонил и сказал, что опоздает. Работал в государственных органах, и недавно его повысили до управленца. Как это ни странно, но я не разозлилась. Можно спокойно пообщаться с

² Джони Митчелл – канадская певица и автор песен.

ребятами из группы, не думая о том, как лучше представить им Даррена.

Я надела красное облегающее платье, леопардовые туфли, сделала прическу. Детей мы, как всегда, решили оставить с девочкой-подростком Эшли. И, как всегда, Эшли опаздывала. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, я стояла у окна и выглядывала ее. Меня ожидал главный вечер в жизни, а тут заминка. Ребята, должно быть, уже собрались в «Таверне» и опрокинули первые стаканы.

Тяжело вздохнув, я отошла от окна и поспешила на второй этаж. Кендра была в своей комнате: лежа на кровати с учебником по математике, считала на калькуляторе и делала пометки в блокноте. В ее возрасте я была совсем другой. Не такой ответственной. Прислонившись к дверному проему, засмотрелась на нее.

Оторвавшись от уроков, она подняла голову и взглянула с удивлением:

– Что?

– Эшли еще не пришла, а я опаздываю.

– Тогда поспеши. – И Кендра снова принялась считать, словно наш разговор ей наскучил.

В надежде услышать стук в дверь, я раздумывала, как поступить. Даррен убьет меня, если дети останутся одни. Но он даже не узнает. Уверена, с минуты на минуту появится Эшли. Я уйду, и она тут же появится. Хотя Кендре всего одиннадцать, она намного больше развита, чем ее сверстни-

ки, которых я знаю. К тому же она целый день присматривает за Хадсоном. Пока живу в своем собственном мире: я играю на фортепиано, сочиняю песни или пою.

Приняв решение, отталкиваюсь от дверного косяка:

– Я пошла. Когда Эшли придет, скажи ей, что деньги на кухне: вдруг захотите пиццу.

– Ладно, – ответила она, не поднимая головы.

Подхожу к комнате Хадсона, дверь закрыта.

– Хадсон. – Я постучала, через пару секунд он открыл.

На его коже выступил пот, щеки красные. За ним на полу в ряд выставлены фигурки.

– Почему не за уроками?

– Уже сделал.

Не уверена, что обманывает. Даррен наверняка бы проверил, но сейчас у меня нет времени. Поэтому я просто вытянула руки:

– Давай обнимемся, и я пойду.

Хадсон замер, скосил глаза в коридор:

– Эшли уже пришла?

– Нет еще, но скоро будет.

– Ты что, оставишь нас одних? – запищал он голосом, слишком высоким для своих девяти лет.

– Эшли сейчас придет, – ответила я, потрепав его по голове.

– Почему ты ее не подождешь?

– Я бы с радостью, но мне бежать надо.

Он крепко обнял, будто не желая отпускать.

– Ну все, хватит, – я отцепила его руки. – Очень люблю тебя, но мне пора.

– Подожди, – крикнул он, когда я подошла к лестнице.

– Что? – резко и слишком грубо спросила я.

Хадсон опустил взгляд, теребя в руках пуговицу от рубашки.

– Ничего, – пробормотал он.

Пожалев, что сорвалась, я вздохнула. Но впереди меня ждал лучший вечер в жизни. *Мой* вечер. И я хочу на него попасть! Что в этом плохого? Да, Хадсон не такой самостоятельный, как его сестра. По ночам ему бывает страшно, и я знаю: если нас с Дарреном вечером нет дома, он это тяжело переносит. Ну и что, все в детстве через это проходят. Справится.

– Я скоро приду. Хорошо? – Не дожидаясь ответа, быстро спускаюсь и выхожу на улицу через переднюю дверь.

В «Таверне» Сюзанны из колонок играет наш альбом. А ее муж Джерри, он же бармен, поджидает меня с моим любимым напитком – яблочным мартини. Я пила уже второй бокал, когда наконец появился Даррен.

Наслаждаясь вечером, я и не думала взглянуть на телефон, что лежал на дне сумочки. Достань его, я бы увидела сообщение от Эшли: по пути к нам она попала в аварию и приехать не сможет. Но был звонок еще важнее – пропущенный от Хадсона: он звонил сказать, что жутко напуган и умо-

ляет меня вернуться.

Зазвонил телефон Даррена, он ответил, но это были не дети, а полиция. Кто-то пробрался в дом. Пока я, забыв о детях, пила и веселилась, они, напуганные до жути, были дома совсем одни и прятались от грабителя.

Когда мы вернулись домой, Кендра стояла в гостиной и спокойно, прямо как взрослая, отвечала на вопросы полицейского. Хадсон прятался на втором этаже, под своей кроватью, дрожал как осиновый лист, оторванный порывом ветра.

Почти ничего не украли, лишь пару моих украшений и телевизор. Полиция нашла какие-то отпечатки пальцев, но в базе их не было и преступника не нашли. Страховка покрыла ущерб; сломанное починили, купили новый телевизор.

С того момента Хадсон стал еще более тревожным: беспокойным и нервным, боялся оставаться дома один, вздрагивал от малейшего шороха. С той ночи он стал другим.

Изменились и наши отношения.

– Я приготовила лазанью, – мы шли с ним по коридору. Стены увешаны семейными фотографиями. Наша с Дарреном свадьба. Хадсон и Кендра, тут совсем малыши, а тут уже взрослые. Мы вчетвером в одинаковых свитерах. На моей любимой – мы в белых рубашках и темных джинсах стоим посреди поля. Помню, в тот день, Кендра капризничала из-за своей неудавшейся прически, а Хадсон над ней подтрунивал. Незадолго до того, как была сделана фотография, я на

них рявкнула. Но по фото этого не понять: так широко мы улыбаемся и так крепко обнимаем друг друга.

Идеальная семья.

Глава 3

– Раньше ты обожал лазанью, – продолжала я, когда мы шли по лестнице. – Ничего не изменилось?

– Ага, – пожал он плечами, на лице никаких эмоций. – Лазанья – это хорошо.

Спустившись, услышала звяканье жетона на ошейнике Боуи и стук его острых когтей по деревянному полу. Я повернулась. Мчится к нам, уши развеваются.

– Привет, малыш. – Погладила его по голове. Шерсть жесткая, чуть пахнет травой. – Это Боуи. Хадсон, помнишь?

– Помню, – ответил он, не выразив никакого желания пообщаться с псом.

Боуи, виляя хвостом, подошел к нему, но Хадсон, плотно сжав руки, сделал шаг назад. Испугался?

И тут я вспомнила. Барбекю у соседей, дети еще маленькие, лето, мы только переехали. У Питера и Карен Грейнджеров, что живут через два дома от нас, стоял бассейн, дети плескались в нем целый день. К вечеру они наконец вылезли и, закутавшись в полотенца, ели фруктовый лед – все мордашки перепачканы разноцветным сиропом. Мы смеялись, я и Лесли, моя соседка и на тот момент лучшая подруга. Я потягивала пиво и жевала чипсы с соусом, как вдруг услышала громкий лай, затем глухое рычание. Оглянувшись, увидела собаку Грейнджеров, а в ее пасти – лицо мальчика. Хадсон

был совсем рядом, он с ужасом на это смотрел.

– Боуи, нельзя! На место, – закричала я.

Пес ушел. Я перевела взгляд на сына.

– Кхм... – прокашлялась я. Почему так переживаю? Не понимаю, что говорить и как вести себя. Мои проблемы с памятью здесь ни при чем. Все, что связано с Хадсоном, я отлично помню. Просто сын вырос, отсюда все неудобство. Стал мужчиной, которого я почти не знаю. Последние пять лет мы почти не общались. За целый год перекинулись парой-тройкой слов, и то когда было нужно Хадсону. Его номер у меня есть, но когда набираю, абонент почти всегда недоступен – заблокирован из-за нехватки средств или еще почему-то. Месяц назад он мне позвонил и рассказал, что его бросила девушка, выставила за дверь. И тут же предупредил, что теперь позвонит не скоро. Не зная, чем помочь, предложила несколько месяцев оплачивать ему телефон. Я чувствовала себя все хуже – не хотелось, чтобы наша с ним связь прервалась. Рада, что хоть как-то помогла, иначе вряд ли бы он сегодня приехал.

Мы подошли к столу, и вдруг поняла: а я ведь даже не знаю, пьет ли сын вино. На всякий случай взяла бутылку, предложила налить.

– С удовольствием, – ответил он.

Энтузиазма в голосе не услышала, но я рада, что он не отказался. Из напитков в доме больше ничего нет. Даррен любил крепкий алкоголь: виски, джин, еще порой мог порадо-

вать себя пивом, я же пью только вино, да и то нечасто.

Раньше я пила почти ежедневно и больше всего любила коктейли, но когда Даррену, крепко подсевшему на алкоголь, поставили рак печени, я завязала. Лишь недавно стала позволять себе иногда выпить. Так я себя успокаиваю.

Из морозильной камеры достала лед. Загудел холодильник. Налила каждому по полбокала вина темно-бордового цвета. Похоже, нам обоим не помешает выпить. Надеюсь, чувство неловкости пройдет.

Я села; скрипнул стул. Хадсон уселся напротив и сделал глоток вина. За раз он осушил почти весь бокал, это напомнило мне времена, когда он был маленький. В считанные секунды он залпом выпивал стакан апельсинового сока и за пару укусов съедал целый сэндвич.

Откинувшись на спинку, я попробовала вино. Во рту остались терпкие нотки.

– Не стоило заморачиваться, – сказал Хадсон. – Я бы мог что-нибудь заказать.

Его слова прозвучали грубо, но я знаю, он не хотел меня задеть. Будь на его месте Кендра, это точно был бы укол в мою сторону: она бы припомнила мне все те блюда, что я не приготовила им в детстве. Уверена, Хадсон просто за меня волнуется.

– Не переживай. Мне в радость накрыть на стол, – ответила я, а потом, подмигнув, добавила: – А то забуду еще, как это делать.

Сказав так, разнервничалась: неподходящая шутка. Глупая.

Но впервые за все время Хадсон рассмеялся. И я тоже, на душе стало спокойно. Не припомню, когда в последний раз по-настоящему смеялась. Вот почему я так ждала сына. Он всегда приносит радость. Беззаботность. Он любит шутить и над всеми подтрунивать.

Мы ели лазанью, пили вино, а я в это время думала, о чем поговорить. В голове кружились, словно в парке аттракционов, десятки вопросов.

Что произошло между тобой и твоей бывшей?

Где ты был, когда расстались?

Кем работаешь?

Слышно ли о повышении?

Чем думаешь заняться?

Но задать их не решаюсь. О его бывшей я знаю немного, лишь то, что ее зовут Наташа. А может, Наталия? Натали? Ну вот, даже этого не знаю. Помню, звонила ему, просила приехать, пыталась завести разговор о расставании, но тему он тут же закрыл. И работа, похоже, для него больной вопрос. Не стоит заводить неловкие разговоры за первым ужином. Не хочу давить на сына и устраивать допрос.

Так что ужинаем молча.

Первым доедает Хадсон. Я не наелась, но все же кладу вилку, снова наполняю бокалы и приглашаю сына пройти в гостиную.

– Давай уберу, – предлагает он, бросая взгляд на стол.

– Потом, сама справлюсь, – махнула я рукой и вышла из кухни.

Плюс одиночества в том, что могу делать все тогда, когда захочу. Даррен на дух не переносил беспорядок. Если в раковине посуда, то ее надо помыть, если стол грязный – надо протереть. Все нужно делать сразу. Я же к этому отношусь спокойно.

Из всех комнат мне больше нравится гостиная. Не одно утро я просидела в кресле у окна, наслаждаясь рассветом с чашкой кофе в руках. За последние годы в гостиной появились старые, антикварные вещи; моя любимая – диван с изогнутыми подлокотниками, обитый синим бархатом; я купила его год назад на распродаже в центре города.

Даррену бы мои перестановки уж точно не понравились.

– Что это? – подойдя к роялю в углу комнаты, спросил Хадсон. Он осмотрел коробку и папки с файлами, которые громоздились на крышке, в воздух поднялась пыль – постоянно там собирается.

– Это? – Я подошла к роялю, поставила бокал и взяла папку. – Всякое о нашем доме.

– Что за «всякое»? – Хадсон достал из коробки пару газетных вырезок.

– История дома.

– Все они о смерти Грейс Ньютон, – заметил он.

– Да, я пыталась узнать что-нибудь новое.

– Удалось?

– Честно говоря, нет. Лишь то, что полиция сначала подозревала отца, потом мать. Кто-то даже обвинял старшего брата. Но в итоге установили: несчастный случай. Ну, ты знаешь.

На лбу Хадсона выступили волнистые линии морщин:

– Почему тебя это так волнует?

Такой же вопрос мне задавала и Кендра. «Стремно, что ты решила жить в этом доме. Что за нездоровый интерес к этой жуткой истории?» – спрашивала она из года в год, только вопрос формулировала по-разному.

Я пожала плечами:

– Это мой дом. Мне интересна его история. И притом я пять лет живу тут на пару с Грейс. Должна же я знать о ней все, – в шутку сказала я и подмигнула.

Хадсон даже не улыбнулся, выражение лица стало еще более неопределенным.

Добродушно поддела его плечом:

– Ты чего. Я же шучу. – Я открыла папку. – Посмотри, я изучила родословную, и мне удалось определить первых владельцев дома. Всегда думала, что это родители Грейс, а оказалось, бабушка и дедушка, они построили его в 1910 году. Потом дом по наследству достался родителям, следом – их детям. Интересно же!

– Наверно. – Хадсон положил статьи обратно в коробку, взял бокал и, сев на диван, отпил вино.

– Вот мне интересно! – Нахмурившись, я закрыла папку, из-за его безразличия почувствовав себя глупо.

– Да нет, мне тоже интересно, – возразил он, хотя по голосу так не скажешь. – Просто я удивился. Думал, может, в коробке новые песни...

– Шутишь? – Я села на диван рядом с сыном. – Нет, я не сочиняю.

– Совсем забросила музыку?

– Да, не до нее.

– Почему?

Молча думала, что ответить, водила по зубам языком. Не представляю, насколько Хадсон в курсе того, что происходило. Дети понимают намного больше, чем мы думаем. Когда группа распалась, он был уже подростком. Но в то время он с головой погрузился в собственную драму, имя которой Хезер. Вдобавок его отцу поставили диагноз.

Меньше знает – крепче спит.

Поэтому я не стала углубляться, бросив:

– Не будем об этом сейчас.

– А мне кажется, самое время, – Хадсон издал странный звук, похожий на усмешку.

– Неужели? – ошеломленно спросила я.

– Да. В смысле у тебя сейчас полно свободного времени.

Провожу пальцами по ножке бокала, кожа цепляется за малюсенький скол. Появляется небольшая капля крови. Вытираю ее.

– Ошибаешься. Ты даже не представляешь, что у меня происходит. Тебя рядом не было.

– И тебя тоже. Все наше детство.

– Ну знаешь ли! – Подобного упрека я ожидала от Кендры, но никак не от Хадсона. – Я работала. И одних вас никто не оставлял. С вами сидел отец.

– Хах, – он усмехнулся. – Отец...

Моя мать всегда говорила: «О мертвых либо хорошо, либо ничего».

Я понимаю, на что он намекает, но у меня нет настроения заводить разговор об отце. Тем более что мы уже говорим на повышенных тонах. Меня и раньше обвиняли, мол, проводишь время не с семьей. Такие упреки чаще всего слышала от всяких мамочек.

«Она постоянно где-то пропадает», – перешептывались они у школы или продуктового магазина достаточно громко, чтобы я услышала.

«Бедняжка Даррен, он все делает для детей!»

Неправда. Да и что с того? Даррен их отец. Делай он для детей всё, что в этом такого? Тем более он сам так мечтал стать отцом.

Все эти годы на оскорбления я не отвечала, но терпению пришел конец.

– Я не буду извиняться за то, что шла к своей мечте, – огрызнулась я. – Но тебе меня не понять.

Его губы дернулись. Бровь поднялась, вена на лбу запуль-

сировала.

– Прости, – сказала я. Жаль, слова не вернуть обратно.

«Валери, тебя все время заносит. Сыпешь соль на больную рану» – так, помню, отвечал Даррен. И хмурился.

Вообще-то Хадсон прекрасно меня понимал. Раньше у него была мечта. Он очень хотел стать профессиональным бейсболистом. Как и я, он делал для этого все возможное, и выходило неплохо. Даррен осторожно советовал выбрать что-нибудь более практичное, но я упрекала его за неверие в сына. Мои родители точно так же не верили в мою мечту стать профессиональной певицей. Годами я просила, чтобы на Рождество мне подарили уроки по вокалу или игры на фортепиано. Но просьбы не были услышаны.

Представьте себе, я начала копить деньги, что мне дарили на Рождество и дни рождения, и в десять лет купила свой первый синтезатор. Дальше я сама разучила аккорды. А в старших классах устроилась на работу в пиццерию, заработанных денег хватало на частные уроки. Родители твердили, что моя мечта глупа, что следует спуститься с небес на землю. Отец хотел, чтобы я пошла в колледж или «школу красоты» (он так говорил, не я). Мама – чтобы вышла замуж за богатого мужчину. Но меня это не интересовало, я грезила о дне, когда смогу доказать свою правоту. Показать, что мечта моя не глупая. Что музыкой заниматься стоит. Но когда вышел первый альбом «Полета сердец», мама ничего не помнила. Отец был еще жив, но мой успех он так и не признал.

Думаю, до последних дней считал, что я выбрала не тот жизненный путь.

Именно поэтому я не могла допустить, чтобы сын потерял мечту. Поддерживала его как могла: оплачивала частные уроки, возила на тренировки. Но случилось то, что случилось. В старшей школе, после всего того ужаса, его жизнь сломалась, и от мечты он отказался.

Конечно, он ни в чем не виноват. Мне жаль, что наговорила лишнего.

– Пойду, наверно, спать, – сказал он, вставая с дивана.

– Стой, подожди. – Я тоже встала и взглянула на остатки красного в бокале. – Допей хотя бы.

– Ладно. – Он залпом осушил до дна. – Бокал оставлю в раковине, – он торопливо вышел из гостиной.

Со вздохом снова села на диван и допила вино. Бокал пуст – тишина, не считая сопения Боуи, размеренного тиканья часов и скрипа половиц под моими шагами. В этом доме бессмысленно ходить на цыпочках. Пол скрипит, скрежещет, как кости старухи. Честно говоря, когда дети были маленькие, меня это бесило: только уложишь их спать, выйдешь из комнаты, заскрипит половица – и они просыпаются.

Теперь же этот шум меня успокаивает. Привычная симфония. Саундтрек моей жизни.

Хотя в этом саундтреке есть и минорные ноты. Когда мы с Яном осматривали дом, снаружи на двери в комнату Хадсона я заметила крючок и петлю (зачем от тут? тем более сна-

ружи), но решила Даррену не говорить. Только мы въехали в дом, я сразу же их сняла. Но крючок никак не выходил из моей головы.

Кого там запирали?

И главное – почему?

В первые ночи, проведенные в этом доме, мне снилась девочка, запертая в комнате, она стучала и звала на помощь. В своих кошмарах я слышала, как она кричит; порой казалось, что это все наяву.

Когда дети разъехались, а Даррена не стало, я решила сделать ремонт на свой вкус – тогда-то я и заметила в доме другие странности. На чердаке на стенах были выцарапаны слова, почерк детский. Надпись не разобрать, прочла только два слова: «ПОМОГИТЕ» и «ЗЛО». Еще на двери детской гардеробной с внутренней стороны были следы, будто там кого-то закрыли и он пытался выбраться наружу.

Именно тогда зародилось мое непреодолимое желание изучить историю дома.

Бокал из-под вина отнесла на кухню и ополоснула в раковине. Убрала со стола: лазанью сложила в контейнер, а остатки салата и зачерствевший хлеб выбросила. Тарелки замочила в раковине – завтра помою. Вытерла руки и закрыла боковую дверь. На пути к выключателю замечаю в окне напротив движение.

В доме за окном через дорогу стоит темная фигура, уставилась прямо на меня.

Лесли.

Она меня видит, сомнения нет, но даже не пытается отойти, укрыться от моего взгляда. Стоит как вкопанная, смотрит на меня, сзади горит лампа. Я тоже не отвожу взгляд. Кто сдастся первой?

Подходит к окну еще ближе. Мне страшно.

Трясаясь всем телом, быстро закрываю окно – теперь меня не видно. Хоть жалюзи и опущены, она все равно стоит у меня перед глазами – никак не забыть темный силуэт: прическа до плеч, стройная фигура. Хватаюсь за столешницу и делаю глубокий вдох.

Через пару секунд раздвигаю жалюзи, сердце бешено стучит. Ушла. Там, где она стояла, шторы задернуты.

Под окном – дивные цветы, украшают все крыльцо и передний двор. Лесли всегда умела ухаживать за растениями. Пятнадцать лет назад, когда она только-только переехала, я смотрела, как она наводит перед домом порядок, сажает и подрезает цветы. Даррен уговаривал меня познакомиться, и где-то через неделю я неспешно пошла к ней в дом напротив, заранее купив подарок – сиреневый ирис.

Знала бы я тогда, что спустя пять лет, буду стоять на этом же самом месте и смотреть, как обезумевшая Лесли вырывает из земли мой ирис, разрывает его на кусочки и разбрасывает по лужайке яркие лепестки.

Запереть его забыли.

Раз, два, три, четыре, пять.

Смотрю на свою ошпаренную руку и морщусь: ярко-красный ожог, волдыри. Хотя мама и намазала рану всеми возможными мазями, боль не стихает. Пульсирует, словно сердце в груди. Лежу в кровати, долго, очень долго. Не могу уснуть, болит.

Это не случайность, я знаю.

Но мне никак не доказать.

Все произошло тем же вечером, мы с сестрой готовили ужин. Запеканку из тунца с яичной лапшой. Лапша сварилась, Энди попросила, пока будет сливать воду, поддержать дуршлаг в раковине. Я не хотел, отнекивался, но она заставила.

– Если лапша упадет в раковину, она отправится по трубам. Ты этого хочешь? Что, струсил? – подначивала она.

Я покачал головой и, рассматривая под ногами клеточки линолеума, нехотя пошел к ней. Стал у раковины, взялся за ручку дуршлага.

Кипятком мне ошпарило кисть, и, взвизгнув, я отскочил назад.

– Ой, прости, – пожала плечами Энди.

Сжав руку, которая уже наливалась краснотой, я уставился на сестру.

На кухню влетел отец.

– Я не специально, – прохныкала Энди. – Я не хотела.

– Конечно не специально, – ответил отец, рассматривая ошпаренную кисть, на мои глазах выступили слезы. – Надо ее под холодную воду, ага?

Пока отец включал воду, я все смотрел на сестру. Она улыбалась.

Глава 4

Утро, Хадсона нет.

Дверь в его комнату открыта, внутри пусто. В груди что-то упало. Захожу. Все совсем не так, не как в детстве. Раньше стены были увешаны постерами с бейсболистами, а на полках – награды. Кровать застелена ярким зелено-желтым одеялом с эмблемой спортивного клуба. Теперь одеяло серое, и подушки на нем темно-серые. На стенах картины, что я годами собирала по антикварным выставкам и гаражным распродажам. Краски яркие, абстракционизм. Интересно, оценил ли их Хадсон?

Мои мысли перескакивают на вчерашнюю ссору.

«Но тебе меня не понять».

И зачем нагрубила? Зачем бросила в лицо гадкую неправду? Если б держала рот на замке...

За кроватью замечаю ремешок. Подхожу и вижу спортивную сумку. С облегчением выдыхаю. Слава богу, он не уехал. И как я могла такое подумать?

Куда же он делся?

Это я ему протянула руку помощи, хотя и сказала Кендре, что все наоборот.

– Ты живешь совсем одна, я переживаю, – сказала она спустя пару дней, как я забыла приехать к внуку. Ее вдруг осенило, она вытаращила глаза: – Слушай, а как насчет пожить

у нас некоторое...?

Не успела договорить, как я уже закачала головой:

– Ни за что!

Она нахмурилась.

– Прости, – пробормотала я, почувствовав, что ответила слишком грубо. – Кендра, я ведь пока не дряхлая старуха. Мне нет и шестидесяти.

– Мама, дело не в возрасте, и ты прекрасно это знаешь, – вздохнула она.

– Дом я не оставляю, к тому же не хочу быть обузой.

– Но кто-то должен за тобой присматривать.

– Сама справляюсь, – ответила я.

– Я лишь хочу, чтобы рядом с тобой кто-то был. Ты знаешь, я сама бы с радостью, но не могу. О Хадсоне я даже не говорю, рассчитывать на него бесполезно.

– Если попрошу, он приедет, – возразила я.

– Ну да, конечно, – усмехнулась Кендра.

Я не говорила ей, что девушка Хадсона выставила его из дома. Насколько знаю, дети между собой общаются очень редко. Так, созваниваются на праздники и дни рождения. Кендра даже не догадывается: не позови я Хадсона к себе, он остался бы на улице.

Выйдя из комнаты, я пошла в свою. Сквозь открытые окна проник солнечный свет – воздух уже нагрелся. Обычно я просыпаюсь до рассвета. Но этой ночью спала плохо. Все время вертелась в кровати; не могла успокоиться из-за Лес-

ли в окне. Засыпала, просыпалась, помню какие-то обрывки снов: Лесли плачет, по щекам течет тушь. Тычет на меня пальцем. Сыпет обвинениями. Руки по локоть в засохшей грязи, листва прилипла к ладоням, земля под ногтями...

Мне нравится гулять рано утром, когда небо еще темное, а воздух прохладный. В эти часы в квартале все спят. Никаких любопытных глаз. Никаких перешептываний. Предрасветный воздух свеж, трава покрыта росой, слышен только щебет птиц да редкий лай собаки, мимо проезжает одна-две машины, у кого-то на газоне шумит разбрызгиватель.

Сейчас, похоже, все проснулись. Нехотя, но все-таки переделась в спортивный костюм и кроссовки. В журналах вычитала, что физическое и психическое здоровье между собой тесно связаны, так что уверена: утренние прогулки помогут мне сохранить память. Но дело не только в этом. Не буду выгуливать Боуи, он с ума сойдет.

Только я сняла поводок с крючка, как пес уже у двери. Со смехом пристегиваю поводок к ошейнику.

Выхожу на улицу; Боуи, быстро сбегав по ступенькам, тянет меня за собой. Заметив припаркованную машину Хадсона, я останавливаюсь, поводок натянут. Оглядываюсь на дом: интересно, машина тут, а его самого нет. Боуи начинает тащить меня вперед, я – за ним.

Передний двор у Лесли пуст, вдоль забора ни машины – как хорошо! Обычно к этому времени, попивая кофе, она сидит на крыльце. Иногда одна, но чаще с другими соседка-

ми: Бет живет слева от Лесли, Шелли – в нескольких домах отсюда и Тесса, наши дома рядом. Эту троицу знаю с тех времен, когда мы с Лесли кутили вместе. В ту прекрасную пору я тоже с ними дружила, но ясно, что ближе им всегда была Лесли. Недавно я заметила несколько незнакомых мне женщин. Оказалось, что одна из них – новая владелица дома Уинтерсов. Откуда взялись остальные, не знаю. Как это ни странно, но Шелли и новые гости работают, так что почти все время они приходят ненадолго. Бет в прошлом учительница, сейчас на пенсии, так что спешить ей некуда. Лесли, выйдя замуж, никогда не работала, но после развода с Джеймсом устроилась в какую-то компанию. Думаю, в страховую фирму. Но вот уже год я не вижу, чтобы она уходила на работу. Так что, наверное, она тоже вышла на пенсию. Мы с Боуи быстро прошли мимо, и я успокоилась. Через несколько домов встретила мальчонку, бегающего по улице, в пухленьких руках – фигурки супергероев, и мужчину, поливающего газон. Они тут новенькие. Не успела еще познакомиться. Взглянув на них с деланной улыбкой, я помахала рукой. Не хочется заводить разговор.

Раньше я дружила с соседями, но потом поняла, чем это может кончиться.

Мысленно возвращаюсь на пятнадцать лет назад к нашему первому разговору с Лесли, когда принесла ей ирис. В знак благодарности она пригласила меня на чай.

Помню, он был крепкий и ароматный – с мятой. Без сли-

вок.

– А где ваша семья? – оглядываясь, спросила я. Стены голые, мебели почти нет, пол заставлен коробками.

– Мой муж Джеймс и дочка Хезер пошли в магазин. Скоро должны вернуться.

– У вас только один ребенок?

Лесли кивнула:

– А у вас?

– Двое. Мальчик и девочка. Кендре – двенадцать, Хадсону – десять.

– Хезер тоже десять.

– Надо бы их познакомить, – предложила я, в тот миг идея показалась мне хорошей.

Одна подружка – Хадсону, одна – мне.

Какое-то время так оно и было.

Боуи остановился, и я знаю зачем. Брезгливо морщюсь. Моя самая нелюбимая часть прогулки, это точно. Убираю, и мы идем дальше.

Наша улица мне очень нравится, здесь все дома не похожи друг на друга. Их построили в начале двадцатого века, а потом не раз переделывали. Взять хотя бы дом, что справа стоит по соседству с Лесли. В нем живут Рамосы. Раньше на улице это был самый маленький дом – всего один этаж. Наша с Дарреном первая квартира была и то больше. Но пять лет назад они пристроили второй этаж, в современном стиле, дополнили его балконом и большими панорамными окнами.

На сегодняшний день самый маленький дом на улице – дом Лесли, он же и в самом плохом состоянии: светло-бежевая краска облупилась, темно-коричневая облицовка ужасает.

На следующем перекрестке поворачиваем направо. Пойди мы налево, вышли бы на главную улицу, а там – рестораны и магазины. Но мы пошли в другую сторону, тут еще больше домов. Над дорогой нависают деревья, на самом верху их ветки переплетаются, словно пальцы рук, что тянутся друг к другу. Боуи обнюхивает лужи, грязь, лает на зашевелившийся куст. Наверное, ящерица проскочила или птица пролетела.

Дергаю за поводок, идем по тротуару дальше. Со свистом мимо нас проносятся два велосипедиста. Убрал пряди волос с лица, ускоряю шаг, – пытаюсь поспеть за Боуи. На лопатках выступает пот, стекает каплями вниз по спине. Обычно когда мы гуляем, на улице не так жарко; я еще раз пожалела, что не проснулась раньше. Каждый сентябрь удивляюсь, как же поздно осень приходит к нам в Сакраменто.

Проходим мимо домов в викторианском и колониальном стиле, их украшают широкие, удивляющие своей красотой лестницы и просторные веранды. Идем по кварталу, который намного красивее нашего. По левую руку – один из моих самых любимых домов в этой части города: с полукруглыми окнами и дымоходом – словно из сказки.

Возвращаемся к перекрестку и идем домой.

Завернув на свою улицу, замечаю Лесли: стоит на тротуа-

ре перед домом и говорит с мужчиной, похоже, он был на пробежке. На нем короткие шорты, мокрая от пота футболка и кроссовки.

Он поворачивает голову, и я понимаю, что это Хадсон. С шага перехожу на бег.

– ...посмел вернуться! – в ее словах желчь, вот-вот закричит. Вижу Бет, выглядывающую из окна. Ничего удивительного. Уверена, другие соседи тоже наслаждаются сценой.

Не слышу, что ответил Хадсон, но он точно что-то ответил: повисла небольшая пауза, а Лесли заорала:

– Никто не хочет тебя здесь видеть!

Тяжело дыша, подбегаю к ним, сердце вот-вот остановится. Несмотря на пересохшее горло и жуткую одышку, с трудом произношу:

– Я. Я хочу его здесь видеть.

Лесли резко ко мне поворачивается.

Сделав глубокий вдох, продолжаю:

– Он мой сын. Ему тут всегда рады.

– Но не после того, что он сделал с Хезер.

– Я не виноват, – спокойно сказал Хадсон и попытался поймать взгляд Лесли, но она не смотрела на него. Все ее внимание было приковано ко мне.

– Я знаю, что это твоих рук дело, – без каких-либо эмоций ответила она.

Свободной рукой я схватила сына под локоть и повела домой:

– Пойдем, нечего тут делать.

Эти обвинения слышим от нее уже не первый год.

Тошно от них.

– Поверьте мне, – обернувшись к Лесли, умоляет Хадсон, я тащу его домой. – Клянусь, я не виноват.

– Перестань, – успокаиваю я его, Лесли не переубедить, проверено. Собственные домыслы для нее превыше всего, она никого не слушает. Ненависть к нам засела в ней слишком глубоко.

– Ты врешь! – закричала она нам вслед. – Уж я постараюсь, чтобы каждый в квартале знал, на что ты способен! Всем докажу, что ты за монстр.

Я почувствовала, как напряглась рука Хадсона.

– Не обращай внимания, – сквозь зубы сказала я, поднимаясь в дом. – Это лишь слова. Ничего она тебе не сделает. Пойдем домой, я завтрак приготовлю.

– Хорошо. – Он провел по потному лбу тыльной стороной ладони.

– С пробежки? – спросила я, открывая входную дверь.

Не знала, что он бежит по утрам. В детстве за ним такого не водилось.

– Ну да, начал пару лет назад.

Заходя в дом, он задел ногой горшок с суккулентами, что стоит на веранде.

– Как тут много горшков.

– Можно сказать, мое хобби.

– Покупать цветы? – удивленно спросил он.

– Делать из них композиции.

Я всегда была творческой натурой. Раньше самовыражалась через музыку, но бросив ее, начала искать другое занятие для души. Какое-то время вместе со своей лучшей подругой Сюзанной ходила на занятия танцами. Потом узнала про студию искусств в том же центре. Я пыталась уговорить Сюзанну составить мне компанию, но ей некогда. И где-то год назад с удивлением поняла, что у меня неплохо выходят композиции из суккулентов. Обычно с растениями я не дружу, но за суккулентами ухаживать проще.

Зайдя в дом, отстегнула поводок Боуи.

– Я тут подумала, может, на ужин что-нибудь закажем? Как насчет «Сьюзи бургерс»? – Его любимое место.

– Вообще-то я думал сегодня посидеть с ребятами. – Тыльной стороной ладони он вытер пот со лба и пошел на кухню. Я пошла следом.

– Какими такими ребятами? – Слишком уж быстро он завел новых друзей.

– Браунинг, Грифф и Зверь. – Достал из холодильника бутылку воды, открывает.

Стою соображаю. Джаред Браунинг, Марк Гриффин и Адам Стетсон. Друзья детства; эти прозвища они получили, когда играли в бейсбол. Хадсон познакомился с ними подростком.

– Думала, они разъехались, – задумчиво произнесла я.

– Не-а. – Он сделал глоток.

Вода попала на бороду, и мне вдруг подумалось: как же, наверно, жарко бегать с такой штуковиной на лице. Знаю, это сейчас модно. Если что, я еще не отстала от жизни. В городе постоянно вижу ребят с бородами, одетых в обтягивающие джинсы, длинные футболки, а на лице – очки в толстой черной оправе. Сюзанна говорит, что молодежь, которая у них работает, называет таких хипстерами. Даже муж Кендры Тео носит бороду, только она у него небольшая, аккуратно подстриженная. Хадсону тоже не помешало бы побриться, а то лица совсем не видно.

– Браунинг живет совсем рядом. Где-то год он провел с родителями в Орегоне, но потом вернулся. Говорит, слишком дождливо. Стетсон и Гриффин живут от нас в получасе езды.

– И куда вы собираетесь? – Я облокотилась на столешницу.

– Еще не решили. Может, посидим в баре или клубе. И кстати, Браунинг говорил о работе, вдруг что подвернется.

– Что за работа?

– Его дядя подрядчик, ищет себе помощника.

Он выкинул бутылку и, проходя мимо, коснулся рукой моего плеча.

– Все, пойду в душ.

Хадсон сказал, что встречается с ребятами, и я погрузилась в дежавю.

– Мам, – в трубке раздался короткий вздох. Связь плохая, шумит. – Приезжай быстрее. Кое-что произошло.

– Что-то серьезное? – Я села на кровать, сердце ушло в пятки. Рядом повернулся Даррен и включил на тумбочке лампу. Яркий свет ослепил меня.

– Очень серьезное, – его голос дрожал, со мной будто говорил ребенок, а не взрослый подросток. – Мама, мне страшно. Похоже, я влип. Приезжай.

Я вспомнила ту ночь, когда мы отмечали первый альбом. Как оставила его дома одного, а потом не отвечала на звонки, хотя он был ужасно напуган и не знал, что делать. Как и в прошлый раз, он позвонил мне, но теперь я ответила, он не попросит дать трубку отцу. Вот он шанс все исправить.

– Ладно, успокойся. Скажи, где ты.

Послышалось рычание, и это вернуло меня в реальность. Холодок пробежал по спине. Хадсон замер на месте.

– Боуи! – Его шерсть встала дыбом, зубы оскалены. С ним такое нечасто. Обычно он дружелюбный. – Хватит! Это Хадсон. Хадсона ты знаешь. – Но слова не помогают. Боуи гавкает. Снова рычит. Хадсон делает шаг назад. В груди ощущаю ужас, бросаюсь вперед. Встаю между ними, кладу руку на спину Боуи и аккуратно начинаю его гладить. – Малыш, все хорошо. – Чувствую, как он успокаивается.

Хадсон, нас обходит, глядя с опаской. Только он вышел из комнаты, сузив глаза, смотрю на Боуи.

Он ведет себя так, будто мне угрожает опасность.

Глава 5

Следующие дни проходили одинаково. Я просыпалась рано утром и шла на прогулку, вернувшись, обнаруживала, что сын на пробежке. Большую часть дня он проводил в своей комнате, появляясь за столом или чтобы сказать, что идет гулять с друзьями.

Нет, наше с Хадсоном совместное проживание я представляла себе несколько иначе. По дому столько дел: сломанная дверная петля, на заднем дворе уже несколько месяцев не работает фонарь, надо почистить водосточные сливы, поменять пару москитных сеток, но я не решаюсь попросить. Мать постоянно дергала меня по любому поводу. Ей ничего не стоило составить для меня список дел, а потом все время спрашивать, как успехи. Я дала себе слово, что никогда не буду вести себя, как она, и пока обещание свое держу. Не собираюсь поступать иначе лишь потому, что сын мой уже вырос.

Но как же мне хочется, чтобы Хадсон сделал что-нибудь – ну хоть что-нибудь! – полезное. Пусть и для себя. В последний раз тема работы поднималась, когда он собирался на первую встречу с друзьями. С тех пор он видится с ними каждый вечер, но о работе мы с ним больше не говорили.

Чувствую, что пришла пора.

– Нашел работу? – спросив, я взяла картошку фри и мак-

нула ее в кетчуп. Мы наконец-то зашли в «Сьюзи бургерс», и сидим теперь дома друг напротив друга за кухонным столом среди смятых бумажных пакетов, упаковок из-под кетчупа и кучи салфеток. Последние дни я только и слышу, как в его комнате бубнит телевизор. Но сейчас ведь можно работать и удаленно, вдруг он нашел что-то такое. Надеюсь.

Держа гамбургер, он вскинул плечами, по руке стекает соус:

– Ну, я искал, ничего не подошло.

– А что бы тебе подошло?

Какое-то время Хадсон работал на лесопилке. Еще вроде пару раз был продавцом. Смутно припоминаю: совсем немного он проработал в магазине «Все для дома». В остальном я понятия не имею, чем он занимался последние несколько лет.

Даже не представляю, чем ему хочется заниматься. Единственным увлечением был бейсбол. Он его бросил, и я не знаю, нашел ли что другое.

Сын дожевал. Проглотил. Вытер рот салфеткой:

– Не знаю. Мне нравится работать руками. Надеюсь, с работой у дяди Браунинга все в силе.

– Еще не узнавал?

– Дядя обещал все уладить.

Звучит не слишком обнадеживающе.

– А что за работа? – спросила я.

– У него своя шахта.

– Шахта? Разве рядом с нами есть шахты?

– Да, рядом с Вистой-Фоллс.

Туда ехать полчаса, не так уж и плохо.

– Она под землей? – Мне жутко при одной только мысли.

– Нет, мам, – он забавно улыбнулся. – Это не угольная шахта. Там в основном добывают глину. Карьер сверху. Не под землей.

Немного успокоившись, я кивнула.

И все же было бы неплохо, помогай он мне по дому. Не хочу давать ему список дел, но от этого, пожалуй, будет толк. И для него, и для меня. Ясно ведь, он не знает, куда двигаться дальше. Пока не попробует, не узнает. Нужно начать. Помню себя: записалась на вокал, стала играть на фортепиано и уже всерьез задумалась о концертах.

А прежде только и делала, что мечтала. Представляла себя певицей: включала на всю катушку магнитофон и танцевала в комнате с расческой в руках. Пару раз пробовалась в мюзиклы – ходила на открытые прослушивания, роли так и не получила. Но на уроках по вокалу я обзавелась знакомствами, благодаря которым потом пела на свадьбах и корпоративах. Чем больше я выступала, тем сильнее мне это нравилось. И получалось у меня все лучше и лучше.

Видимо, и Хадсону нужна такая мотивация.

Мои мысли прерывает телефонный звонок.

– Ну вот. – Хадсон торопливо вытирает пальцы салфеткой и засовывает руку в карман, достает из джинсов телефон –

звонок стал громче. Ответив, прикладывает трубку к уху. – Привет, дружище. Чего хотел? – Он сгреб упаковки в кучу, взял в свободную руку и выкинул в мусор. Громко рассмеялся: – Хорошо. Мне нравится! – Все за собой убрав, оторвался от телефона: – Я пойду, – прошептал он. – Спасибо за ужин.

Я кивнула.

– Да. Конечно, я в деле, – произнес он в трубку, выйдя с кухни.

Торможу его, пока не ушел из дома:

– Хадсон, подожди.

Он обернулся в дверях, бровь немного поднята, телефон у уха.

– Вечером в пятницу на ужин придут Кендра и Тео. Хотят повидаться, так что ничего не планируй, ладно?

– Ладно. – Я ожидала чуть более восторженного ответа. Но все же удивлена не сильно.

С того самого дня, как мы с Дарреном узнали, что я беременна Кендрой, наши споры по поводу детей не утихали. Я была бы рада и одному ребенку, но Даррен хотел еще, лучше мальчика. С ним он проводил бы много времени.

В итоге своего он добился, и у Кендры появился брат. Не сказать, что она обрадовалась. Все детство они постоянно дрались. Вот бы дети стали ближе – как было бы хорошо.

Доедаю бургер, встаю из-за стола и собираю оставшиеся упаковки. Яркое-розовое солнце клонится к горизонту, небо покрывается дымкой.

В доме Лесли горит свет, окна открыты. Замечаю ее силуэт на кухне, у столешницы, похоже, что-то себе наливает. Чай, скорее всего. Она всегда отдавала ему предпочтение. В те времена, когда мы еще были друзьями, я часто заходила к ней. Мы сидели на диване перед телевизором и пили чай. Наверное, поэтому мне было с ней так хорошо. Мы прекрасно дополняли друг друга. Она была моим якорем. Я могла расслабиться, побыть собой. Не надо было кого-то из себя строить, пытаться кому-то понравиться. И наоборот: я вытаскивала ее на тусовки, куда мы ходили только девочками, она открывала себя с новой, более эмоциональной стороны.

По мнению Даррена, она была идеальной женщиной. Знаю потому, что во время ссор он ставил ее образ жизни в пример.

«По вечерам Лесли всегда дома с семьей», – говорил он так, словно тут есть чему завидовать. Ругался, что я часто пропадаю ночами.

На деле у него не было никакого права упрекать меня в том, какую жизнь я выбрала. Ей-богу, когда он проводил вечера с детьми, он, в отличие от Лесли, на диване сидел уж точно не с чаем.

Какое-то время свою алкогольную зависимость он от всех скрывал. Но возвращаясь с концерта поздно ночью, в его дыхании я часто ощущала запах алкоголя. Уснув в нашей кровати лицом кверху, он громко храпел. Как ни странно, меня это не волновало. Думала, он пропустил пару стаканов.

По этому поводу я ни капельки не злилась. Я и сама любила выпить. Еще до свадьбы я прекрасно знала о тяге Даррена к выпивке. На свиданиях мы всегда пили: до ужина – коктейли, во время – вино, после – портвейн. Когда мы приглашали гостей, Даррена больше волновал перечень вин, что будут на столе, чем блюда. Но я и предположить не могла, что есть повод для волнения. По праздникам мои родители тоже баловали себя алкоголем и за ужином нередко пили коктейли и вино.

Но когда я начала регулярно находить в мусорном баке на улице спрятанные пустые бутылки от виски, я поняла, что у Даррена зависимость.

Однажды концерт отменили буквально в последнюю минуту. В тот вечер я и поняла весь ужас ситуации. Помню, ехала домой с мыслями, что муж и дети будут мне рады. Даже очень. По пути взяла любимое мороженое Даррена. Я была уверена, так бы поступила Лесли. У нее в холодильнике всегда лежало любимое мороженое Джеймса и Хезер. В тот раз я решила побыть идеальной женой. Той, что в своем муже души не чает. В холодильнике которой всегда лежит его любимое мороженое.

С пакетом продуктов я взлетела на крыльцо дома.

– Всем привет, я дома! – зайдя крикнула я.

Справа шумел телевизор. Когда я повернулась, Даррен вскочил с дивана, словно его застали за чем-то непристойным. Я взглянула на телевизор – может, он смотрит порно.

Сверху послышался шум, я поняла, что хотя бы один ребенок там. Но Даррен смотрел сериал «Я люблю Люси» – не совсем то, чего стоит стыдиться.

– А что, ты что-то забыла? – спросил он. Не такого приема я ждала.

– Концерт отменили. – Прохожу дальше, замечая его раскрасневшееся лицо и стеклянный взгляд. С болью в груди беру сумку с продуктами. – Я твое любимое мороженое купила.

– Спасибо, малыш, – ответил он, что для него было совсем неестественно. Он редко звал меня «малыш».

Заглянув ему за плечо, увидела на кофейном столике бутылку виски «Макаллан», рядом пустой стакан, на дне которого оставалась янтарная жидкость. Я нахмурилась.

– Где дети?

– Дети? – Он провел рукой по лицу. – Наверху уроки делают. – Он говорил слишком медленно, немного спутанно.

– Они ужинали?

– Да, они захотели макароны с сыром. Готовила Кендра, – его лицо осветила улыбка гордости, как и всегда, когда он говорил о Кендре. Он часто рассказывал, как дочь помогает ему, когда меня нет дома. Я думала, ей нравится помогать отцу. Они всегда были так близки. Но сейчас я задумалась, а не делала ли она это из необходимости.

От таких мыслей мне стало не по себе, я разозлилась. С горечью думала о его упреках, что после концертов я гуляла с

ребятами и порой возвращалась домой пьяная. Как часто он сравнивал меня с Лесли и другими соседками, словно хотел, чтобы я была как они. Как он только смел представлять меня в роли степфордской жены³, в то время как сам нажирался уже к шести вечера?

Все это время, оставляя сына и дочь дома, я успокаивала себя мыслью, что с ними рядом внимательный, любящий отец. Знаю, многие женщины растили детей одни, их мужья постоянно где-то пропадали. И дети их выросли полноценными людьми. Так если дома остается один родитель, то какая разница, кто это будет: мужчина или женщина? Но в тот вечер, уставившись на красное, потное лицо мужа и его мутный взгляд, я подумала: вдруг все это время я ошибалась.

Вдруг нас обоих не хватало детям?

Я проснулась от громкого лая Боуи. Скрипели половицы. Села в кровати, с груди сползло одеяло.

Грейс?

Прислушиваюсь к знакомым звукам. Всегда думала, что это ходит она. Мягкие детские шаги. Ритмичный стук, словно играли мячом. Такой надувной мячик Даррен купил детям в супермаркете, они лежали обычно в больших отдельных ящиках.

³ «Степфордские жены» – фантастический триллер, написанный Айрой Левином. По сюжету семья переезжает в городок Степфорд, где все женщины особо озабочены семейным бытом.

Но на этот раз шаги громкие. Тяжелые.

Взрослые.

Кто это?

Смотрю на время. Два часа ночи. Хадсон? Встав с кровати, иду на звук. Только заслышав шаги, я решила, что кто-то в коридоре, но сейчас кажется, что ходят на первом этаже.

В доме темно, хоть глаз выколи. Зажигаю в коридоре люстру, пространство наполняется бледно-желтым светом. Чтобы привыкнуть, моргаю, потом оглядываюсь и смотрю, пошел ли Боуи за мной. Его нигде нет.

Тоже мне сторожевой пес!

Спускаюсь с лестницы и ступаю на деревянный пол.

– Хадсон? – зову я.

Тишина. Медленно иду вперед, пытаюсь унять дрожь в теле.

Поворачиваю голову налево и всматриваюсь в темноту кухни. Сквозь окна, отбрасывая голубоватое сияние, льется лунный свет. Никого. Повернув направо, захожу в гостиную. Сюда падает свет со второго этажа, вижу диван, кресло, за ними пианино.

Сделав пару шагов, замечаю Хадсона – свернулся клубком на диване. Почему он тут, а не в своей постели?

Сына колотит, он лежит в одних трусах.

Беру одеяло, что накинуто на подлокотник дивана, и бережно его укрываю. Не проснулся. Внимательно на него смотрю, думаю, не ходит ли он во сне. В детстве с ним пару

раз такое случалось.

Однажды Хадсон вышел на улицу и разбил мячом окно. В другой раз он вылил на сестру, пока она спала, стакан воды. Она была уверена, он сделал это нарочно, а лунатизм использовал как предлог, но я сыну верила.

В остальных случаях было так, как сейчас. Он приходил в гостиную и стоял с открытым ртом либо сворачивался клубком и тяжело дышал. Как-то раз я пошла за халатом, что висел на дверце моего гардероба, и, открыв его, внутри на полу, среди обуви увидела Хадсона.

Пока он спит, позволяю себе нежность. Протянув руку, кладу ее на голову и желаю ему спокойной ночи – я так делала, когда он был мальчиком.

Глава 6

Ждала Кендру к определенному времени, но она приехала на час раньше. Выглядит напряженной, волосы немного взъерошены, на лице выступил пот. Обе руки заняты: на одном плече – сумка с детскими вещами, а в правой руке – детское автокресло. В нем крепко спит Мейсон, на его фарфоровых щечках покоятся длинные ресницы. Кендра поставила кресло; восхищаюсь спокойствием малыша, несмотря на нервозность дочери.

– Все в порядке? – поинтересовалась я.

– Ага. – Она бросила сумку, та стукнулась об пол. – День был длинный. Мейсон капризничал. У него лезут зубы.

– Сейчас он тише воды, ниже травы, – с улыбкой посмотрела на внука.

– И слава богу, – она вздохнула. – По пути к тебе все-таки уснул.

– А где Тео? – Я выглянула в окно.

– Он позвонил час назад и сказал, что задерживается на работе допоздна. Так что я приехала пораньше. Захотела отдохнуть.

Взяв дочь под руку, я улыбнулась. Прежде я не была тем, к кому дочь побежит за помощью. В последнее время стараюсь ей помогать. Чтобы наконец-то меня понять, ей надо было самой стать мамой.

– Пойдем, налью тебе бокал вина, отдохнешь.

Она резко остановилась:

– Мам, ты же знаешь: я не пью.

– Ах да, точно. – Еще полтора года назад Кендра иногда позволяла себе выпить. Но когда они с Тео решили завести ребенка, от алкоголя отказались. Поначалу я думала, что это только на время беременности. Она не кормила грудью, и я решила, что Кендра снова начнет выпивать. Но сейчас поняла: все еще продолжается. – Извини, забыла.

Она взглянула на столешницу, где стояло вино, две полные бутылки, а между ними – наполовину пустая.

– Вижу, без влияния Хадсона тут не обошлось, – сказала она своим вечно упрекающим тоном.

– Да ладно тебе. Мы же не упиваемся! – возразила я ей, пристыдить меня не удалось. Если она решила не пить, это еще не означает, что все остальные должны последовать ее примеру. – Ничего плохого в этом нет.

Я открыла холодильник.

– У меня есть чай со льдом.

– Звучит заманчиво. – Кендра облокотилась на столешницу.

Взяв стакан, налила в него чай, кусочки льда стукнулись о стекло.

– Сахар?

Она покачала головой.

– Нет, спасибо.

Я посмотрела на ее длинную, безразмерную блузку. Об этом она особо не говорит, но я-то знаю: после родов ее беспокоит лишний вес. Мейсону всего полгода. Должно пройти какое-то время. Помню, каково было мне, когда родились дети. Изменения в теле давались тяжело. Так что оставив мысли при себе, я пододвинула ей стакан.

Кендра его взяла и сделала глоток.

Слышу, как открылась входная дверь.

– Мам, тут у двери кто-то ребенка забыл, – пошутил Хадсон. – Надеюсь, ты знаешь, чей он. – Он зашел на кухню, в руках пакет с продуктами.

Кендра к нему повернулась с улыбкой на лице:

– Должно быть, это твой племянник.

– Какой он большой! – Хадсон поставил сумку на стол.

– Такое с детьми случается, если их никогда не видеть. Они растут. – Хоть Кендра и пыталась говорить доброжелательно, я напряглась, уловив нотки раздражения.

Вряд ли Хадсон понял настрой сестры. Он приобнимает сестру. Она делает то же самое – на душе мне становится легче.

– Мам, твоей любимой кокосовой газировки не было, я взял лимонад, – сказал Хадсон, разбирая сумку. Он открыл большую упаковку семечек, кинул несколько в рот, а остальное убрал в кладовку.

Брови Кендры поползли вверх.

– Лимонад – тоже хорошо, – сказала я. – Спасибо.

Заслышав шаги Боуи, выхожу в прихожую. Не хочу, чтобы Мейсон проснулся. Зову пса, он подходит, глажу его. Как хорошо, что Мейсон все еще спит в кресле, его головка наклонена вниз, ремни врезаются в нежную кожу. Небезопасно! Веду Боуи к боковой двери и обдумываю, как быть с Мейсоном. Поднять ли головку вверх и тем самым разбудить его или сказать Кендре? Я уже поняла, что дочери мои родительские советы не нужны, она и слушать не станет. Общаясь с ней, надо следить за каждым словом.

Открываю дверь и выпускаю Боуи на улицу. Возвращаюсь на кухню и достаю из холодильника замаринованную курицу. Не глядя на Кендру, между прочим говорю:

– С вашего последнего прихода манеж так и стоит в кабинете.

Пару часов назад пошла его собрать. Была уверена, что он разобран. Запомняла.

Кендра повернулась и выглянула в коридор:

– Да, это мысль. Похоже, он все еще спит. – Она оттолкнулась от столешницы, бормоча себе под нос: – Спасибо тебе, господи, за маленькие радости!

Она вышла с кухни, а я в это время достала из холодильника несколько видов сыра и упаковку винограда. Ужин собиралась приготовить к приходу Кендры, но, поскольку она приехала намного раньше, я решила поставить на стол закуски.

– Гриль разжечь? – спросил Хадсон, пока я нарезала и вы-

кладывала на тарелку сыр.

– Да, было бы неплохо.

Рядом с сыром положила гроздь винограда, по краю тарелки разложила крекеры. Через открытое окно пахло древесным углем. Слышу в прихожей шаги Кендры. На секунду кажется, что ничего не изменилось. Закрыв глаза, представляю, как сбоку от меня стоит Даррен и наливает в бокал виски. Неожиданно нахлынула странная грусть. Та, что порой меня тревожит.

На кухню вернулся Хадсон, положил на столешницу зажигалку. Подвигаю к нему тарелку с сыром. Он отрывает виноградинку, а в этот миг с громких вдохом облегчения входит Кендра.

– Все прошло удачно? Мейсон в манеже? – спросила я, немного расстроившись. Ясно, что Кендре нужен отдых, но мне так хочется подержать малыша на руках.

Она кивнула и потянулась за крекером. Откусив, взглянула на брата.

– Хадсон, чем занимаешься с тех пор, как вернулся?

Жуя кусочек сыра, он пожал плечами.

Кендра неодобрительно на него посмотрела:

– Ты искал работу?

Проглотив сыр, он перевел взгляд на меня.

– Допрос, я думаю, стоит отложить, сначала поужинаем, – примирительно сказала я и улыбнулась дочери. Хотелось, чтобы вечер мы провели спокойно, на позитивной ноте.

Кендра нахмурилась.

– Я всего лишь пытаюсь завести разговор.

– По-моему, у него на примете что-то есть. Я права, Хадсон?

Страхивая крошки с бороды, он кивает.

– Вообще-то с работой все решено. Выхожу в понедельник.

Впервые об этом слышу. Почему он не сказал мне раньше?

– Ничего себе! Поздравляю. Это то, что предлагал дядя Браунинга?

Он кивнул.

– Дядя Браунинга? – Кендра удивленно наклонила голову и застыла.

Выкладываю курицу на тарелку – по рукам стекает маринад. Беру полотенце, вытираю.

– Да, мы встречались пару раз, – ответил он на повисший в воздухе вопрос.

Кендра злобно и неприятно усмехнулась.

– Так вот чем ты занимаешься. Ходишь на тусовки со старыми друзьями?

Чувствую, как напряглась спина, словно у собаки, что ошетибилась.

– Кендра, он всего лишь сказал, что выходит на работу. И он много что делает по дому. Очень мне помогает.

– Это хорошо, – говорит Кендра, и надо отдать ей долж-

ное: прозвучало достаточно искренно. Щелкнув пальцами, она оттолкнулась от столешницы. – Чуть не забыла. Принесла тебе витамины. – Она быстрым шагом вышла в прихожую. – Также взяла тебе пробиотики. – Кендра вернулась с двумя большими банками в руках. – Я столько всего прочитала про связь между памятью и состоянием кишечника.

– Как по мне, с памятью у мамы все хорошо. – Хадсон взял еще одну виноградинку.

Кендра резко к нему повернулась и посмотрела прожигающим взглядом:

– Ну, знаешь, это пока. Сколько ты тут, неделю? – Она положила руку себе на грудь. – А я, наверное, совсем не понимаю, о чем говорю, да? Последние несколько лет я была тут каждый день, пока ты черт знает чем занимался.

– Ну вот, началось, – вздохнул Хадсон.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Все, достаточно, – вмешалась я. – Хадсон прав. На этой неделе мне и вправду лучше. – С улыбкой на лице я выхватила из рук Кендры таблетки. – Но витамины все равно возьму. Вдруг это они мне помогают. – Не уверена, что это так. Какое-то время принимала их регулярно, но все равно чувствовала себя нехорошо, в голове оставалась каша. Тогда я перестала пить таблетки постоянно. Уголки губ Кендры чуть поднялись, знаю, я ее успокоила. – Если честно, я безумно рада, что вы оба тут. Мы так давно не собирались вместе.

Они взглянули друг на друга и улыбнулись, это перемирие

уж точно для меня – ничего против не имею.

– Хадсон, пора жарить курицу, – сказала я, показав на тарелку на столешнице.

Кивнув, он встал и обошел нас, открыл боковую дверь и вышел во двор с курицей. Комнату наполнил запах гриля вперемешку со свежим воздухом и скошенной травой.

– Не будь с ним так жестока. – Иду к холодильнику и достаю пакет с салатом.

– Я беспокоюсь о тебе, мам, – ответила она. – Он приехал, чтобы заботиться о тебе, и я хотела убедиться, что именно этим он и занимается.

Рассмеявшись, я покачала головой.

– Ты так говоришь, будто мне лет сто.

– Никто не думает, что тебе сто, правда.

– Ладно, тогда восемьдесят, – подмигиваю я.

– Даже если тебе и восемьдесят, выглядишь куда лучше, чем я, – она провела рукой по своему животу.

Она часто себя недооценивает, но в этот раз как-то по-другому. С горечью. Внешне она пошла в отца. Ей достался и его обмен веществ. И с формами ей повезло куда больше, чем мне. Чуть смуглая кожа, большие светлые глаза, пухлые губы, темные кудрявые волосы. Только открываю рот, чтобы сказать, какая она красивая, как воздух сотрясает детский крик. Брови Кендры поднимаются, в теле появляется напряжение.

– Если хочешь, я схожу за ним.

Махнув рукой, она отказалась:

– Не. Все в порядке. Сейчас вернусь.

Но когда она выходила из комнаты, я заметила, насколько тяжелая у нее походка, как она напряжена.

Кендра никогда не умела принимать помощь. Мучить себя – вот что у нее лучше всего выходит.

Пока ее нет, решаю заправить салат. Дым от гриля, густой и серый, окутал окно. Заправив салат, наполняю кувшин ледяной водой и ставлю его на столешницу рядом с раковиной.

За спиной раздается детское бормотание, оторвавшись от своих мыслей, поворачиваюсь.

Кендра вошла, держа Мейсона на руках лицом вперед. Одетый в ползунки, болтает ножками. Во рту соска. Глаза широко открыты, щеки розовые.

– Эй, кто это пришел? – умилилась я. Вытянув руки, сказала: – Ну же. Иди к бабуле.

Никогда не думала, что из меня выйдет «бабуля». Кендра, беременная Мейсоном, однажды спросила, как меня называть: бабой, бабушкой или бабулечкой. Хорошенько подумав, в конце дня я объявила, что буду «бабулей».

Не перестая удивляться.

Взяла Мейсона на руки, невольно заметила на лице Кендры облегчение. От него пахло влажными салфетками и слегка детской присыпкой. Провожу носом по волосикам на голове – макушка мягкая и нежная.

Открывается дверь. Входит Хадсон с тарелкой курицы в

руках. Как из выхлопной трубы, за ним тянется дым. Свободной рукой закрывает дверь, но светло-серые струйки все равно попадают в кухню.

– Он жив, он жив! – проходя мимо ребенка, пропел Хадсон, словно актер из фильма про Франкенштейна.

Покачивая Мейсона, я сказала:

– Плохой дядя!

Хадсон поставил тарелку на столешницу, неспешно подошел к племяннику и начал щекотать его под подбородком. Мейсон жмурился от удовольствия.

– Славный. Видимо, в дядю пошел, – подмигнул Хадсон.

Кендра усмехнулась.

– Да неужели!

Я и забыла, как мне этого не хватало. Подшучивания. Подтрунивания.

Нас прерывает стук в дверь, я немного злюсь. Знаю, что это Тео, ничего против него не имею. Но он пришел, и теперь общение пойдет по-другому. По характеру он скорее как Кендра. Интеллигентность, граничащая с высокомерием. Задумчивость и немного молчаливости. Не то чтобы я ожидала, что Кендра выйдет за весельчака вроде Хадсона, но я была бы этому рада. Может, это бы ее раскрепостило.

– Извиняюсь за опоздание, – входя в дом и сверяясь с часами на запястье, говорит Тео. На нем брюки и рубашка, волосы уложены гелем на одну сторону. Должна признать, выглядит хорошо. А еще он вежливый: целует меня в щеку и

благодарит за приглашение.

Мейсон рад его видеть, когда Тео произнес «привет», он задергал ножками и заулыбался. Я протянула ребенка отцу.

– Ужин готов, – сказала я.

– Я как раз вовремя! – Тео улыбнулся, показав ряд жутко белых зубов.

Пока мы с Кендрой накрывали на стол, они с Хадсоном обменялись новостями. Ужин прошел без происшествий. Тео много говорил о работе и сводил разговор к темам, которые мало кому интересны. Мир финансов совсем не мое. Хадсон со скучающим видом кладет еду в рот – понимаю, что он того же мнения, что и я. Но они с Кендрой хотя бы не ссорятся.

Спасибо тебе, Господи, за маленькие радости!

Пару раз Кендра вмешалась в монолог и рассказывала о курсах по подготовке медсестер. А Мейсон, пытаясь обратить на себя внимание, иногда лепетал на своем высоком стульчике. Когда он это делал, я задавалась вопросом: может, он, как и все мы, тоже устал от этого монолога.

После ужина Хадсон предложил убрать со стола, а я в это время залила кофейник и достала десерт.

– Тогда я займусь малышом, – Тео убрал с колен салфетку, подошел к стульчику и достал Мейсона.

– Вытри его сначала, – строго сказала Кендра.

– Все нормально, – процедил сквозь зубы Тео.

– Он испачкает тебе рубашку.

– Неважно, – ответил Тео и, улыбаясь Мейсону, поднес его к себе.

– Да неужели, это тебе-то неважно, как ты выглядишь! Что-то новенькое.

Неся в руке стопку тарелок, Хадсон бросил на меня тревожный взгляд и специально вышел на кухню. Я пошла за ним, слыша за спиной голос Кендры:

– Тео, хватит его качать. Он только поел.

– У них всегда так? – спросил Хадсон, открыв кран с водой.

– Ну... не всегда. Но ты же знаешь Кендру.

– Ага, знаю, – усмехнулся Хадсон и взял тряпку.

Ругань Кендры и Тео продолжается в соседней комнате, а Хадсон в это время перемыл все тарелки. Сварился кофе.

– Что ты думаешь о... – Всё, ступор. В голове пусто и темно. Звонящая тишина. Это слово... Оно вертится на кончике языка. Все время его произношу. Смотрю на этот предмет, вот он, на столешнице. Но как ни пытаюсь, названия не вспомнить... *Ужас! Я превращаюсь в собственную мать!* Сглатываю, губы пересохли.

– Ну? – Один уголок рта Хадсона забавно поднялся.

Он не взволнован, я это понимаю. Когда дети были помладше, со мной часто случалось подобное. Но тогда было по-другому. Тогда ко мне приходило вдохновение, в самый неподходящий момент в голове проносился текст песни, и я теряла ход мыслей.

– Эм... – Ищу другое слово, которое смогу вспомнить. – Кофе и... – Показываю на столешницу, на тарелку, где лежит то, что я не могу назвать.

– Десерт? – Хадсон выручает меня, и только тогда я замечаю, что он нахмурился.

Чтобы успокоить его, тихонько смеюсь:

– Ой, да, ну и рассеянная же я.

– Подслушиваешь их? – он с пониманием улыбается и кивает в сторону столовой, где Кендра и Тео продолжают ругаться в полголоса.

На вопрос не отвечаю, но по его ухмылке понимаю: решил, что да. Тоже ему улыбаюсь – пусть так и думает.

– Все же давай вынесем это на веранду? – предлагаю я Хадсону. Вспомнились вечера, что были десять, а то и больше лет назад: дети на ступеньках ели мороженое, а мы с Дарреном качались на качелях. Не допущу, чтобы из-за провалов в памяти растерялись самые светлые воспоминания.

– Звучит неплохо, – сказал он как обычно холодно. Порой я спрашиваю себя: может ли он действительно чему-то обрадоваться?

Поставила на поднос чайник с кофе, очень красивые фарфоровые чашечки и тарелку с двумя кусочками яблочного пирога. Знаю, что к десерту Кендра и Тео не притронутся. Они постоянно на какой-нибудь диете. Отнесла поднос на веранду и поставила его на плетеный стол у качелей. На улице свежо, пахнет розами и мокрой травой. Солнце прячется

– над головой зажегся фонарь. Вдалеке щебечут птицы. Где-то на улице мяукает кот.

Все выходят на веранду, беру Мейсона на руки и сажусь на качели. Оттолкнувшись ногой, начинаю раскачиваться, он визжит. Хадсон ковыряется ложкой в пироге, Кендра пьет пустой кофе. Тео приходит с очередным бокалом вина – я немного удивилась. Он и на ужин пропустил бокал. Похоже, их договоренность не пить алкоголь стала односторонней. С удивлением Кендра на него смотрит, как бы давая понять, что незамеченным он не остался.

– Мейс, смотри, птичка, – показываю я на колибри, та зависла над кормушкой, подвешенной к навесу крыльца. На красном оперении выделяются голубые пятнышки. Улыбаясь, Мейсон что-то щебечет и тянется к ней.

Доев пирог, Хадсон поставил тарелку на стол.

– Никогда не понимала, как можно есть так много сладкого и оставаться худым, – надувшись, заметила Кендра. – Помнишь, мы ездили в «Диснейленд»? Тогда тебе было восемь. В тебя влезало штук десять чурросов.

– Не десять, – закачал головой Хадсон. – Но все равно много.

Кендра рассмеялась.

– Десять чурросов? Да это же ужасно! – сморщился Тео.

– Ужасно? Ты их вообще пробовал? Это же еда богов! – возразил Хадсон.

– Они вкусные, но не десять же штук в день, – вмешалась

Кендра.

– Это, случаем, не та поездка, когда ты выкинула мой ободок с ушами Микки Мауса из окна машины? – спросил Хадсон сестру.

– Только потому что ими ты колотил меня по голове.

– Надо же! Я думал, тебе нравится, – фыркнул брат.

На этих словах Тео тоже расхохотался.

– А что это за девушка нам машет? – всматриваясь, спросила Кендра.

Я вскочила с качелей и тоже взгляделась. Мимо пробежала милая девушка в белых наушниках. Перейдя на шаг, она начала нам махать.

– Я ее не знаю, – продолжила Кендра. – А ты?

Думала, она обращается ко мне, но ответил Тео.

– Молли, привет! – Тео спустился с веранды.

Вытащив наушники, девушка остановилась. Она зашла во двор и, поднявшись на первые ступеньки, поздоровалась с Тео.

– Не знал, что ты тут живешь, – сказал он.

– Снимаю дом прямо за углом. Его сразу видно: на улице самый маленький, а на почтовом ящике – огромная наклейка с флагом, – ответила девушка. Знаю, о каком доме она говорит. Каждое утро, когда гуляю с Боуи, прохожу мимо. Незнакомка показала на дом. – Твой?

– Нет, тещи, – показал он на меня и добавил: – Мы с Молли вместе работаем. Молли, а это моя прекрасная жена Кенд-

ра, наш сын Мейсон, моя теща Валери и брат жены Хадсон.

Кендра поприветствовала ее не очень дружелюбно, и я понимаю почему. Сама терпеть не могла красавиц-коллег Даррена. Невольно заметила, что с появлением Молли Хадсон начал улыбаться намного шире.

Когда она убежала, Хадсон хлопнул Тео по спине:

– А эта штучка ничего.

– Ну вот, – Кендра закатила глаза.

– Дружище, организуй нам встречу.

– Ты серьезно? – удивленно спросил Тео и пожал плечами. – Ладно. Что-нибудь придумаю.

Глава 7

– Маам! Маам! – голос Хадсона отдается эхом, будто говорит он в огромном пустом соборе, слова кружат надо мной как стая ворон.

«Тепло и полно света, значит не собор», – сонно думаю я. А большая пустая сцена, сверкающая в свете прожекторов. Не хочу уходить, но его слова не оставляют меня в покое.

– Маам, – на этот раз настойчивее.

Меня хватают за плечо – резко просыпаюсь. Попадаю в реальность, из окна на пол падает свет.

– Все хорошо? – Хадсон закусил нижнюю губу. Наморщив лоб, он подозрительно смотрит на меня – выглядит намного старше своих лет.

– Который час? – присев, тихо спросила я. Вглядываюсь в окно гостиной, солнце высоко в небе.

– Половина четвертого, – ответил Хадсон.

– Дня? – На столе перед собой вижу наполовину не допитый кофе и пустой стакан.

– Да. Первый день работал на карьере, вот только вернулся.

Точно. Когда я проснулась, его уже не было дома.

На мне спортивная одежда и кроссовки. Я что, лежу тут еще с прогулки? Нахмурившись, пытаюсь убедить себя, что впереди весь день, но это не так.

В голове всплыло лицо Тео, и я не сразу поняла почему. Потом вспомнила: он заходил вчера вечером. Его визитом я была удивлена и первые секунды с ужасом думала, что снова забыла посидеть с Мейсоном.

Он сказал: «Я за Хадсоном. Отдохнем вдвоем».

Смутно припоминаю. В пятницу, когда ребята собрались уже уходить, они с Хадсоном договорились встретиться в воскресенье вечером.

Тео крикнул Хадсону, чтобы тот спускался, посмотрел на часы, достал телефон. В комнату вошел сын. На нем была идеально выглаженная рубашка, лучшие джинсы, волосы на голове уложены, надушился одеколоном. На миг я задумалась, имеет ли их встреча какое-то отношение к той симпатичной блондинке, с которой нас познакомил Тео.

Остаток вечера помню смутно. Вроде, выпив один-два бокала красного, смотрела телевизор. Наверно, «Корону»⁴, не уверена.

Это вчера. А что было сегодня?

Потянувшись, взяла со стола кружку. На дне – пара глотков кофе, все еще пахнет ванилью. На ногах до сих пор красовки, пальцы ног немного вспотели.

Чем я занималась, когда вернулась домой и выпила кофе?

Снова смотрю на Хадсона: надо мной он больше не стоит, расположился на другом конце дивана. Но на его лице все еще читается волнение.

⁴ Сериал про британскую королевскую семью.

– Как первый рабочий день? – вспомнила, что до сих пор не узнала.

– Нормально.

– После встречи с Тео выпался?

Он кивнул:

– Мы недолго сидели. Обоим надо было вставать рано на работу.

– Я немного удивилась, что вы сидели вдвоем, – честно призналась я.

– Я тоже. Это он предложил. Я чуть было не отказался, а потом подумал: что тут такого? Он муж моей сестры. Не стоит его отталкивать. – Хадсон едва улыбнулся. – И знаешь что? Оказывается, он интересный парень.

– Неужели? – Сказать, что я удивлена – ничего не сказать. – Он пил?

Хадсон ответил не сразу:

– Да. Только Кендре не говори.

– Не переживай. В чужие дела я нос не сую.

Начинает болеть голова – тру пальцами виски. Слышу, что открылась дверца для собаки. Боуи зашел на кухню. Прибежал в комнату, идет прямо ко мне. Вяло опускаю руку и кладу ему на голову.

С лица Хадсона исчезает улыбка.

– Ты что, заболела?

– Да, наверно, – тыльной стороной ладони трогаю лоб, так же я делала, когда дети были маленькие. Чувствуется темпе-

ратура. По правде говоря, я этому рада. Уверена, какой-то вирус. Провести весь день в постели из-за Альцгеймера – не могу себе такого позволить. По крайней мере пока.

Не пришло еще время.

Подняв руку, трогаю жирные волосы и прихожу в ужас.

– Я в душ.

– Давай помогу подняться, – говорит Хадсон, беря меня под руку.

Поблагодарив, соглашаюсь и позволяю отвести себя на второй этаж. По пути кладу голову ему на плечо. Только мы дошли до четвертой ступеньки, как, обогнав нас, Боуи убежал в мою спальню. Во рту пересохло, язык еле ворочается. Тяжело сглатываю. Добравшись до комнаты, говорю Хадсону, чтобы занимался своими делами. Отчаянно пытаюсь снять спортивный костюм. Он весь мокрый, неприятно прилипает к коже.

– Сама справлюсь, – говорю я. – Спасибо за помощь.

– Точно?

Киваю.

– Ладно. – Он пошел к двери, но остановился: – Если что-то нужно, дай знать.

– Хорошо.

Войдя в душевую кабину, почувствовала, как накатывает тошнота, пришлось облокотиться на стенку и глубоко дышать, пока не станет легче. Когда все прошло, быстро помыла голову, тело и выключила воду. Дрожа от холода, завер-

нулась в полотенце. Тошнота вернулась – неприятная жидкость наполнила рот.

Я упала на колени и склонилась над унитазом. Но из меня ничего не вышло. Может, просто надо что-нибудь съесть. Поднявшись, прошла в спальню и надела теплую пижаму.

Боуи запрыгнул на кровать и начал укладываться в ногах, ожидая, что я скоро залезу под одеяло.

У меня нет сил спускаться на первый этаж. Ложусь, подложив под голову подушку. Знаю, что поесть надо – обед давно прошел, а про завтрак я ничего не помню. Пишу Хадсону, прошу принести тарелку супа.

«Без проблем», – ответил он.

Через пятнадцать минут входит с тарелкой супа на подносе. Заставляю себя съесть хотя бы половину. Хадсон забрал посуду.

Немного почитала и снова крепко уснула.

Сны сумбурные, смесь совсем разных воспоминаний.

Хезер сидит в гостиной, точно такая же, как и в нашу последнюю встречу, пьет чай со своей матерью. Но возраст Лесли не соответствует тому времени. С первого взгляда тяжело сказать, сколько ей. Прическу она не меняла уже лет двадцать. Короткое обесцвеченное каре. Волосы с одной стороны всегда заправлены за ухо. Ее возраст выдает одежда: штаны на резинке, блузка в цветочек – так она одевается сейчас.

Подхожу к ним. В руках у меня чашка чая. Держу ее так, как Кендра носит на руках Мейсона. Сидим втроем и болта-

ем, словно ничего не произошло.

Пару раз за ночь я просыпалась от боли в животе и тошноты. Открывая глаза, видела, что заходил Хадсон. На тумбочке – стакан воды, тарелка с крекерами и один раз каким-то чудом появился стакан с шипящим спрайтом. Благодаря сыну и пережила эту ночь.

Утром мне стало чуть лучше.

По пути на кухню заглянула в гостиную и заметила, что Хадсон за мной убрал. Кружки помыты, на ручке дивана сложен плед, подушки взбиты.

На кухне светло и просторно. Хоть мне и лучше, в животе все равно беспокойно, так что решаю перекусить одним тостом. Засовываю в тостер кусок хлеба и наполняю кофейник.

На улице Лесли разговаривает с Бет и Шелли. На ней те же штаны и блузка в цветочек, что и во сне; она будто вышла из него прямо на крыльцо своего дома. При этой мысли у меня мурашки по спине бегут. Разглядывая соседок, думаю, что наша жизнь могла сложиться совсем иначе. Во сне мы пили чай вместе с дочками. Когда мы были друзьями, именно так я и представляла себе наше будущее. На протяжении семи лет я видела Хезер каждый день. Я знала ее, будто собственного ребенка. Ее смех, улыбка, манеры – я знала их наизусть. Теперь они преследуют меня во снах.

– Мам, – Хадсон напугал меня. Была уверена, что он на работе. Посмотрела на часы. Еще рано. Намного раньше, чем я обычно встаю.

Чувствуя себя ребенком, которого поймали за поеданием шоколада, я поворачиваюсь к сыну. Изобразив на лице улыбку, радуюсь, что мои мысли он прочесть не может. Тогда бы он узнал: я думаю о том, о чем мы никогда не говорили. О Хезер и о том, что он сделал.

В среду утром, возвращаясь с прогулки с Боуи, заметила, что машина Хадсона все еще стоит у дома. Он должен был уехать.

Переживая, что он проспал, стучу к нему в комнату.

– Хадсон!

Тишина.

Стучу еще раз, на этот раз сильнее.

Сквозь дверь слышу шорох, приглушенный стон. Делаю шаг назад, рука повисла в воздухе. С ним кто-то есть?

Закусив губу, ухожу от двери. Нет никакого желания видеть его в постели с девушкой. Когда он был подростком, я пару раз врывалась. Хватит и того, что было.

Так я когда-то и узнала, что их отношения с Хезер перешли на новый уровень. Она почти жила у нас. Когда ее семья переехала в наш район, спустя месяц они с сыном сдружились. На нашей улице Хезер была единственной ровесницей Хадсона. Не знаю, нужно ли было тогда переживать, что это девочка и мальчик, что они, может быть, уже знают разницу или даже чувствуют влечение... Но тогда я не видела причин для беспокойства.

Каждый день они бегали то в один дом, то в другой. Часами сидели за приставкой Хезер, пихались локтями, проходя «Гонки с Марио», и по очереди учили друг друга играть в «Зельду». Летом, когда им было по двенадцать, они снимали фильмы на новую видеокамеру Лесли. В основном это были пародии на детективы, где Хезер играла следователя, а Хадсон всех остальных, включая жертв. Мой сын любил бейсбол и всячески подначивал Хезер, чтобы вместе побросать мяч на заднем дворе. Но приходила Кэти О'Коннелл, и все прекращалось – Хадсон жутко бесился: с ее появлением Хезер выбирала «игры для девочек».

Детям тогда было по пятнадцать. Помню, после обеда Лесли позвонила и попросила отправить Хезер домой, чтобы помочь с ужином. Я знала, что они сидели наверху в комнате Хадсона, до меня доносилась музыка. Я даже не подумала постучать, прежде чем распахнуть дверь.

Их руки переплелись в объятии, губы слились в поцелуе.

Они тут же в ужасе отодвинулись друг от друга. Хезер и говорить не надо было, что мама ее зовет, – схватив свой рюкзак, она убежала, по пути пробормотав: «Пока, Валери».

– Ты и вправду удивлена? – спросил Мак, о случившемся я рассказала ему чуть позже на репетиции. – Думаю, что нет. В них бурлят гормоны. А в мозгах ведется строительная работа.

– Ну и метафора, – нахмурилась я, хотя он был прав.

Теперь же, задумавшись у двери Хадсона, я слышала, как

он слабо позвал:

– Маам.

Я толкнула дверь: он перевернулся в кровати и посмотрел на меня покрасневшими глазами. Лицо бледное, все в поту.

– Боже мой, и ты заболел? – Я как-то даже съежилась, качнулась назад.

– Видимо, – еле слышно произнес он. – Спасибо, что за-
разила.

Я чуть улыбнулась.

– У меня хорошая новость: вирус действует всего сутки. Завтра будет полегче. В воскресенье мне было очень плохо, но в понедельник утром я была как огурчик. – Неужели я так сказала? Про огурчик все время говорила моя мать.

Он застонал.

– Тебе что-нибудь принести?

Он покачал головой.

– Звонил на работу?

Закрыв глаза, он кивнул.

– Хорошо, отдыхай.

Он угукнул, я закрыла дверь.

В коридоре тихо, слышно, как на первом этаже тикают часы.

*Вышли мыши как-то раз
Посмотреть который час...*

В стене что-то было. Оно шуршало поздно ночью, родители давным-давно пожелали мне добрых снов, и я теперь лежал в кровати. Услышав шум, я сполз с постели, встал на четвереньки и залез под кровать – пытался понять, что это. Дрожа от страха, на пару секунд решил, что застрял, из-за пыльного ковра кирпичного цвета не мог дышать, но что за шум – так и не понял.

Я помчался в спальню родителей, сразу к их кровати.

Прокрался по ковру, дошел. Засунув руки под подушку, отец спал лицом к стене. Я чуть было не рассмеялся. Мы спим одинаково. Ближе ко мне была мама: она спала на спине, руки – вдоль тела. Так же в гробницах лежали мумии, что я видел на фотографиях. Я легонько толкнул ее в плечо.

Она подскочила, выдохнула.

– Господи, как же ты меня напугал!

Спрятаться бы. В коробку на стеллаже, прямо за родительской кроватью. А лучше исчезнуть, как Девушка-невидимка.

– Мне страшно, – сказал я, поняв, что совсем не супергерой.

– Чего ты боишься? – усаживаясь, спросила она.

– В стене что-то есть. Оно скребется, я слышу.

Мама вздохнула:

– В стене ничего нет. Тебе показалось.

– Нет, есть, – возразил я, дергая ее за руку. – Пойдем посмотрим.

– Я слишком устала. – Она выдернула руку, провела ей по

лицу и откинула волосы назад. – Возвращайся в свою комнату. Там никого нет.

Я взглянул на отца – его надо было будить.

– Повторяю еще раз. Иди спать. – Мама уже легла. Ее не переубедить.

Нехотя, бурча себе под нос, я выскочил в коридор. Мама даже не шелохнулась. Судя по сопению, уснула.

– Это мышь.

С криком я подпрыгнул от страха, голос Энди до жути меня напугал. Она стояла напротив, из-под длинной сорочки торчали голые ступни.

– Что? – Я тяжело дышал, прижав руку к сердцу.

– Шум в стене. Это мышь. Ей не выбраться.

– Не выбраться? – Вдруг мне стало холодно, на коже появились маленькие шарики – руки сморщились, стали похожи на куриные ножки, которые еще не приготовили.

Она пожала плечами.

– Не волнуйся. Она скоро умрет.

– Умрет?

– Ну да, – ответила она так, словно я ей уже надоел. – Но это же хорошо? Тебе больше не придется слушать ее шуршание.

Я кивнул, но в животе стало нехорошо, будто снова отравился.

– К тому же мышь сама виновата – нечего было туда лезть. Теперь по ночам я не мог уснуть. Сжав край одеяла, я ле-

жал на боку и слушал скрежет. Уставившись на стену, представлял себе, как мышка застряла в маленьком отверстии и не может выбраться. А вдруг это шуршание не просто так. Слышит ли мышь меня? Надеется ли она на мою помощь? Мама убьет меня, если попробую вырезать в стене дырку. Так как же мне быть? Вспомнил те секунды, когда подумал, что из-под кровати мне не выбраться, и с болью в сердце представил бедную мышку, которая сидит тут уже не первый день. Не в силах слушать скрежет, я закрыл уши руками.

«К тому же мышь сама виновата – нечего было туда лезть».

В голове крутились слова сестры. Думала ли она так на самом деле? Что мышь получила по заслугам.

Может ли один неверный шаг разрушить нашу жизнь?

Глава 8

Тук. Тук. Тук.

Поначалу звук тихий, почти не слышно – сливается с шумом телевизора. Потом становится громче. Беру пульт и делаю тише. Телевизор выключается. Сажу в темноте. Моргаю. Должно быть, нажала не на ту кнопку. В последнее время я постоянно их путаю. Когда глаза привыкают к темноте, начинаю различать предметы. Под покрывалом торчат мои ноги. Поднимаю взгляд и вижу темный силуэт. По коже бегут мурашки. У дивана стоит девочка, в ее руках большой мяч.

– Грейс, – шепчу я, проводя ладошками по покрывалу, чтобы успокоиться. В углу комнаты мирно спит Боуи. Жаль, что он не со мной на диване.

Тук. Тук. Тук.

Стоп! *Что-то не так.* Это не она стучит. Она даже не двигается.

Поворачиваюсь в темноте. Стук раздается на втором этаже. Перевожу взгляд на то место, где стояла Грейс, – внутри меня что-то сжимается. Девочки нет. Только кресло и брошенный на спинку пиджак.

Стук не прекращается.

Спускаю босые ноги на деревянный пол и тут же замерзаю. Утром, когда завтракали, свежий воздух и легкий ветерок были как раз кстати, но в течение дня заметно похолода-

ло. К десяти вечера температура упала до пятнадцати градусов, словно конца лета не было, и к нам сразу пришла осень. Гардероб я пока не поменяла. Все еще ношу летнюю пижаму: штаны и футболку, – в отличие от фланелевой, они легкие.

Быстро поднимаюсь наверх. Дверь в комнату Хадсона открыта, но я знаю: он не дома. Сегодня он встречается с друзьями. Как и несколько последних вечеров. Я была права. Вирус, что он подцепил от меня, продержался не больше суток. Ко вторнику уже поправился. Сегодня суббота, последние дни он дома почти не появлялся.

Сделав шаг, я вгляделась. Как и следовало ожидать, комната пуста.

Стук прекратился.

Что это было?

Прислушавшись, стою посреди коридора, почти не дышу. Единственное, что слышу, – на первом этаже глубоко дышит Боуи, на улице дует ветер, в доме тихо. Никаких стуков.

Повернувшись, делаю шаг в сторону своей спальни и снова слышу. В этот раз больше похоже на стук в дверь.

Ладонки вспотели, бегом спускаюсь на первый этаж. Вхожу в гостиную – в углу на подстилке лежит Боуи, он поднимает голову. Щелкнув пальцами, зову его к себе. Шум идет со стороны кухни. Вглядываясь, медленно крадусь по полу. На заднем крыльце, отбрасывая жуткое голубое сияние, тускло горит лампочка.

Громкий стук доносится с заднего двора. Я вздрагиваю.

Выбежав на улицу, начал лаять Боуи.

Открыла замок и повернула ручку боковой двери – сердце забилось чаще. В лицо вдруг подул ветер, я тут же перестала дышать. Стало еще холоднее, ветер жуткий – летняя буря. Волосы разлетелись во все стороны, словно в руках фен. Еле шевеля губами, зову Боуи. Его лай раздается в глубине двора.

Убрав волосы с лица, иду к нему.

Ворота раскачиваются взад и вперед, ударяясь о забор.

Тук. Тук. Тук.

Приложив усилия, закрыла и заперла их. Не пойму, почему они открыты. Ветер не мог выбить замок. Хорошенько думаю. Может, это я их не закрыла?

Не помню.

Глаза широко раскрыты. Взгляд пустой. Рот открыт, на губах чуть видны слюни.

– Кто вы? Что вам от меня надо? – раздраженно спрашивает она.

– Мама, это я, Валери. – Тянусь к ее костлявым пальцам, но она резко их убирает.

Последним мусор выносил Хадсон. Может, он не закрыл ворота, а я это заметила только сейчас, когда подул ветер. Да, скорее всего.

Довольная, зову Боуи. Пока иду в дом, у меня зуб на зуб не попадает. Пару дней назад я жаловалась на жару. Теперь же, обхватив себя руками, дрожу от холода и мечтаю о горячем

душе.

Когда мы поднялись на второй этаж, Боуи начал рычать. Прижал голову к полу, словно готовясь напасть. Меня охватил ужас. Прямо перед дверью в мою спальню лежит мячик. Подхожу ближе и беру его в руку. Он ярко-розового цвета, пахнет дешевым пластиком. Настоящий. Не плод моего воображения.

Осматриваю коридор. Пугающе тихо.

Откуда он взялся?!

Прежде чем уснуть, я положила мячик у кровати. Утром его там не оказалось. Я искала, но ничего не нашла. Неужели он мне приснился? Или я окончательно тронулась умом? Пасмурно, на небе серые тучи, но ветер стих. Похоже, скоро будет дождь, так что спешу надеть спортивные штаны, кофту с длинным рукавом и кроссовки. Люблю утренние прогулки перед дождем – воздух свежий и прохладный.

Выхожу из спальни, Боуи за мной. Дверь в комнату Хадсона приоткрыта. Слышала, как он вернулся ночью, примерно в три. Может, это он взял мячик? Вряд ли, но не могу себя удержать. Надо проверить. Пока не уверена, был ли мячик на самом деле, но отчаянно пытаюсь себя в этом убедить.

Давлю на дверь ладонью, она открывается со скрипом. За спиной Боуи бросился вниз по лестнице – хочет на прогулку. Да, Хадсон в комнате, спит. Лежит на спине, руки за головой.

Мячика не видно. Встав на цыпочки, пытаюсь разглядеть, что там с другой стороны кровати, но я недостаточно высо-

кая. Иду тихо, проверяя каждый уголок комнаты. На Хадсоне нет футболки, мне наконец-то удастся рассмотреть татуировку на руке – он как раз задрал ее вверх. Вокруг бицепса написано слово, но оно на другом языке, так что смысла я не понимаю.

У меня перехватывает дыхание. Под татуировкой размером с кулак синяк темно-фиолетового цвета. Всматриваясь, подхожу ближе, на лице замечаю свежую царапину, кожа вокруг нее опухла и покраснела, за бородой линии почти не видно. Он что, подрался?

Вытащив руки из-под головы, Хадсон потягивается и переворачивается в мою сторону.

Перестаю дышать. Не желая, чтобы взрослый сын увидел, как я без спроса зашла к нему в комнату, медленно отхожу назад. Сильно далеко уйти не успеваю – он хватает меня за руку. Сдерживаю испуганный крик.

– Нет, – бормочет он сонным голосом. – Не уходи.

Оглядываюсь на него. Руку он сжал сильнее, но глаза все еще закрыты, дышит глубоко.

– Все в порядке, – говорю я, разжимая его кисть. Освободив руку, ухожу на цыпочках.

– Я не хотел, – шепчет он, когда я оказываюсь в дверях.

Резко останавливаюсь.

– Извини, – говорит он так тихо, что я не понимаю: сказал ли он и вправду, или же это мое воображение.

Собираюсь закрыть дверь, тянусь к ручке, но тут экран

его телефона загорается. Сама того не желая, наклоняюсь и смотрю. Из «Фейсбука»⁵ пришло уведомление. Кто-то прокомментировал публикацию. Мне стало неприятно. Хадсон никогда не принимал мой запрос на добавление в друзья. Я стала сидеть в «Фейсбуке», только чтобы следить за детьми, особенно за сыном (Кендра выкладывала лишь медицинские статьи). Я не раз спрашивала у Хадсона почему. Его постоянный ответ: в социальной сети он почти не сидит. Я верила этому, потому что знала: он нечасто пользуется компьютером и телефоном. Но похоже, сейчас он заходит туда чаще.

Взгляд зацепился за сообщение выше.

Я невольно прочла: «Бро, перестань мне напisyвать, иначе я тебя заблокирую».

Отправитель подписан как «Блонди».

Пришло еще одно уведомление.

Хадсон зашевелился, он словно дернулся в испуге. Захлопнув дверь, быстро спускаюсь вниз. Боуи, комок скопившейся энергии, у двери, там, где я и думала. Надеваю поводок, пес бьет меня по ноге хвостом. Только я открываю дверь, как Боуи побежал по ступенькам, едва не слетаю за ним кубарем.

Этим утром тихо. На дороге ни машины. На улице никого. Невольно ловлю себя на мысли, что хочу перенестись в прошлое. В те времена не надо было беспокоиться, где Хадсон

⁵ Социальная сеть «Фейсбук» принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена.

пропадает всю ночь, почему возвращается домой с синяками и царапинами и получает непонятные сообщения от некой Блонди. Откуда эта царапина? Вдруг он настолько напился, что просто упал? Но как тогда надо упасть, чтобы поцарапать лицо? А может, он поранился во время пробежки: зацепился за ветку или порезался об острый край. В таком случае рану я бы заметила вчера. И выглядела она подозрительно свежей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.